

Доро

начинается с дороги

В оформлении обложки использованы картины:
Василий Молоков. «Ставрополь. Ангел-Хранитель»
Ольга Прачева «Солдат»

Редактор-составитель: В. П. Бутенко
Компьютерная верстка: Д. В. Пушкарский
Корректор: Пекарская И. Е.

Сдано в набор 09.08.2019. Подписано в печать ____:____:_____
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «Georgia». Заказ № 2209. Тираж 300 экз.

Дорогие друзья!

Эта книга - невероятное сочетание талантливой поэзии, пронзительной прозы и удивительных, самобытных иллюстраций. Читателям предстоит совершить путешествия в самые разные миры и эпохи, побывать в необычных ситуациях, посмотреть на привычные явления с новой точки зрения. Я уверен, что у авторов большое будущее в литературе. Ведь все они талантливые, одаренные люди.

Я искренне рад, что проект, родившийся в Ставрополе, продолжает постоянно открывать новые имена наших замечательных земляков. Их всех объединяет любовь к родному городу и краю. Они всегда стремятся творчески расти и художественно развиваться, приумножая культурное наследие нашей малой Родины.

От всей души благодарю авторов за то, что они дарят незабываемые эмоции своим творчеством! Желаю новых идей, неиссякаемого вдохновения и благодарных читателей!

***Иван Ульяновченко,
Глава города Ставрополя***

Дорогие друзья!

Этот год подверг испытанию наши привычки и привязанности, круто изменил многие жизненные планы! Тем более отрадно, что «Школа литературного мастерства» продолжила свою работу, что подготовлен к изданию 5-ый сборник, вновь объединивший на своих страницах молодых ставропольских литераторов и художников, что у нас есть наше творчество, которое всегда выигрывает, всегда открывает новые горизонты!

Школа - уникальное явление в культурной жизни Ставрополя. Она даёт возможность начинающим авторам заявить о себе, взять уроки у мастеров слова, открывает молодым путь к публикациям на страницах известных изданий.

«Утро начинается с дороги», а ваш славный путь к вершинам мастерства с первых публикаций, с первого признания вашей индивидуальности! Желаю, чтобы ваши произведения нашли горячий отклик в сердцах читателей! Продолжайте творить, не сходите с этого пути! Желаю вам успехов и творческого вдохновения!

***Сергей Паршин,
академик Российской
академии художеств,
председатель Ставропольского
отделения ВТОО
«Союз художников России»***

Стать писателем...

С детства меня привлекают целеустремленные люди. Такими были мои родители, которые выбрали в жизни профессию учителя и остались верны ей до конца. И хотя прошли десятилетия, но до сих пор многие с благодарностью вспоминают о них, научивших родному русскому языку, чтению, математике.

А можно ли научить писательству?

На этот прямой вопрос нет бесспорного ответа. Разумеется, существует Литературный институт имени Горького, читаются курсы по литературному мастерству в университетах разных стран, есть даже частные уроки филологов. Соискателей славы не счесть, а результаты различны. И, пожалуй, верней всего вывод, что литература – это река, а наставник и ученик – берега, сходящиеся друг к другу.

Прежде всего, начинающий писатель или поэт должен иметь дар и заниматься самообразованием. Простой рязанский мальчишка Сережа Есенин, по словам его матери, ночами читал запоем русских классиков, запоминал их стихи наизусть. Так же стремительно духовно рос и Миша Шолохов, учащийся Богучаровской гимназии. А Пушкина его друзья-лицейсты помнили чаще всего с книгой в руках...

Иногда приносят мне произведения начинающие авторы. И с первых строк иной раз становится ясно, что этот человек невежественный, не знающий литературы. Однако тот высокомерно заявляет: «Нет, я не читаю других, чтобы не попасть под их влияние...» Такого графомана, самовлюбленного и неудачного «гения», остается только пожалеть. В том-то и дело, что первый признак литературной одаренности – способность попадать под чье-то влияние, умение ощущать особенность стиля, близость лексики и мироощущения. У Есенина в первых стихах есть интонации Кольцова, Никитина, Клюева. Шолохов немало взял вначале от Горького, Серафимовича. Но это лишь помогло им набрать дыхания, расправить крылья таланта и взмыть в недостижимую высь! У каждого молодого писателя должен быть прозаик или поэт, близкий по духу, по направлению. И, усвоив его творческие достижения, развивая их и вырабатывая свои личные самобытные принципы творчества, идти дальше. Я говорю о настоящей большой литературе, исполненной духовной глубины, социальной составляющей и отмеченной эстетичностью стиля, богатством языка.

Этому мы и обучаемся в нашей Школе. Писательский талант требует развития во времени. Одному хватает года, другой открывается через несколько лет. Важно быть трудолюбивым и упорным и верить в себя, помня, что «цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех...» И мне приятно сказать, что некоторые из наших учащихся обрели крепость пера и создают интересные произведения. Писателем стать нелегко. Это призвание. И, повторяю, дар небесный. А сможет ли обладатель его донести до землян – это зависит только от него самого. Ибо литература выбирает на века самых достойных и фанатичных, сеющих «разумное, доброе, вечное».

***Владимир Бутенко,
Руководитель Школы
литературного мастерства***

Сергей Усольцев

Сила памяти

1

Кирилл Лосев, по прозвищу Лось, отёр тыльной стороной ладони лицо. Земля размазалась по его щекам длинной полосой. Сильно хотелось пить. Взяв бутылку, он сделал несколько глотков тёплой воды и поставил опустошённый сосуд около поднятых из раскопа костей. Рядом с черепом и проржавевшим насквозь немецким шлемом.

Сегодняшний «улов» был неплох. Остатки искорёженного МР-40 он не считал. А вот офицерский «Люгер», хоть и без кожаной кобуры, и значок за ранение грели душу. Ствол можно было легко восстановить, заменив некоторые детали на новые. И продать за неплохую сумму. А значок, даже без реставрации, за несколько тысяч возьмёт любой коллекционер.

Сев на край ямы, парень свесил ноги и устало завалился на траву.

– Жека, Рыжий, что у тебя? – крикнул он.

Метрах в тридцати из-за холма показался напарник Лося. Длинный как жердь, несуразный парнишка. Подойдя, он поправил очки, которые покоились на большом мясистом носу и сел рядом.

– Вот.

На брезент упал ржавый барабан от ППШ-41.

Лось лениво взял находку и осторожно провернул механизм подачи патронов. Раздался звук, более всего похожий на грохочущие в банке камни. Направляющая пружина, что толкала патроны к

стволу, давно лопнула, и содержимое барабана рассыпалось по его внутренностям.

– Негусто.

– Ну да, – Рыжий машинально сунул в рот сигарету. – А у тебя что?

– Газбак, много колючки и вот.

Женька усмехнулся, повертел в руках пистолет, щёлкнул пальцем по металлическому тубусу контейнера для противогаза.

– Слушай, Моздок ведь километрах в тридцати отсюда? И бои там были.

– Ну?

– Тогда чего мы так далеко забрались?

– Потому что здесь до нас никто не копал. Вот здесь, – Кирилл не торопясь поднялся и указал на поле, – в ходе битвы за Кавказ начиналось наступление Красной армии. А где мы роём, по старым картам траншеи были. Моторизированный полк стоял. Он был расформирован. Говорили, что по малодушию и трусости знамя потеряли, – Лосев задумался. – Рыжий, ты знаешь, что такое бой локального значения?

Напарник неопределенно кивнул.

– Так вот здесь и был такой. Про который не напишут в учебниках. Немцы хотели раздавить девятую армию и выбраться в долину Алхан-Чурт. А там и до грозненской нефти недалеко было. И вот здесь часть дивизии СС «Викинг» получила в боях за Моздок, Эльхотово, Малгобек пинком под зад. Смекаешь?

Будучи студентом-историком, Лосев умел работать с документами и хорошо знал, где нужно копать. Трудная работа для крепкого Кирилла была не

в тягость. Наоборот, физическая нагрузка разгоняла кровь, и Лось чувствовал себя отменно. Конечно, не всегда копателю сопутствовала удача. Довольно часто вместо ценного артефакта Кирилл доставал из земли консервные банки, фольгу или остатки колючей проволоки. Однако были и по-настоящему ценные находки.

– Ну да, – кивнул Женька и задумался. Посмотрел на лежащие в траве останки немца. – Слушай, ты чо, правда кости закапываешь после того, как железо заберешь? – неожиданно спросил Рыжий.

– Правда.

– Если ты такой правильный, то зачем в «чёрные копатели» подался, а не в честные поисковики?

Женька сплюнул в сторону.

Кирилл не стал отвечать. Насупившись, он взял лопату и прыгнул в яму раскопа. За несколько световых часов Лосев хотел найти что-нибудь ещё.

2

Ближе к вечеру к раскопу подъехал внедорожник. Придавив хромированным кенгурятником сухую траву, автомобиль остановился, и из пассажирского окна выглянула блондинка в чёрных очках.

– Привет, мальчики!

Расположившиеся на обед парни поморщились.

– Толян подъехал. Пойдёт веселуха, – пробормотал Рыжий.

Ни Женька, ни Кирилл недолюбливали Толика, считая его мажором и нахлебником. Однако у него был внедорожник, на котором можно было много увезти, а ещё имелись нужные связи. Именно он за-

нимался продажей поднятого из земли, торговался и выгадывал больше, чем другие копатели. Как он этого добивался, Толик держал в тайне, каждый раз отшучиваясь и ссылаясь на секрет фирмы. Впрочем, в последнее время Кирилл начал подозревать своего компаньона в жульничестве. Но поймать за руку Мажора не получалось. Приходилось до поры до времени верить на слово.

Когда хозяин джипа подошёл к копателям, ребята насупились.

– Ты обалдел, Толян. Зачем ты её из Москвы привёз? – вместо приветствия заговорили они.

Толян вскинул свои ухоженные руки, загорячился.

– Вау-вау, чо вы так завелись? Ну захотела девушка посмотреть. Что тут такого-то. Лучше скажите, чего у вас?

В течение нескольких дней копатели усиленно обследовали металлоискателями поле. В местах, где чувствительные детекторы отмечали железо, втыкали веточки-маяки. К раскопкам же приступили недавно и особым успехом похвастаться не могли.

– «Люгер», диск ППШ, значок за ранения, газбак и пара касок. Ржавьё, – осмотрев находки, разочарованно протянул Мажор. – Не густо.

– Ну так копай сам. Вон, поле не пахано, – усмехнулся Кирилл. – Лопату мы дадим.

– А вот хамить не надо, – Толик из-под очков взглянул на парней.

Тем временем девушка подошла к костям и указала на них пальчиком с ярко-красным маникюром.

– А это нашенький?

– Нет, – буркнул Толян.

– Ясненько, – Вика забралась на холм и огляде-

лась. Похоже, увиденное не впечатлило её. – Мальчики! – внезапно крикнула девушка. – А тут что-то есть. Звук такой странный.

Она несколько раз подпрыгнула. И вдруг, неловко взмахнув руками, провалилась по колено.

– Твою ж... – выругался Толик и бросился к своей подруге.

Лось и Рыжий переглянулись и встали. Взойдя на холм, они увидели, что москвичка провалилась в какую-то яму.

– Что там? Нора лисья? – растерянно спросил Толян.

– Не знаю, – Лось заскрипел зубами. – Эту часть поля Рыжий обследовал.

– Ну я как бы на холм не заходил, – пробубнил в ответ Женька и поправил очки. – Холм как холм.

– Молодец! – коротко бросил Кирилл, беря Вику за руку. – Вытаскиваем её!

– Осторожней! – визжала блондинка. – У меня джинсы больше, чем вы все, стоят!

– Ну да, – иронично проворчал Кирилл.

Внезапно земля под ними просела, и девушка, завизжав ещё громче, провалилась вниз. Следом за ней рухнул и Толик.

Двое копателей замерли на месте. Щуря глаза, они смотрели на облако пыли, поднимавшееся из провала. Рыжий достал пачку сигарет и не спеша закурил.

– Лось?

– А?

– Может оставим их там? – цинично пошутил Женька.

Лосев насмешки не оценил. Он помог выбраться Мажору и его девушке.

3

Вечерело. Стало заметно прохладнее и парни, разведя в ложбинке костёр, расположились вокруг него.

Лось и Рыжий сидели на рюкзаках. Вика – в машине, склонившись над телефоном.

– Ну и что там может быть? – спросил, наконец, Мажор.

Похоже, что им овладел азарт открывателя. Перебегая взглядом с одного копателя на другого, он несколько раз облизнул пересохшие губы.

– Наверно, блиндаж, – предположил Женька. – Если не терпится, то можешь сам спуститься. Фонарь у тебя есть.

Толик пожевал губами, а затем спросил:

– Кто первый утром туда спустится?

– Самый опытный, – пробурчал в ответ Лось. Он хотел добавить что-то ещё, однако его прервал полный возмущения возглас Вики:

– Блииин! У меня тут ноготь сломался!

Вздыхнув, Кирилл попрощался с коллегами и отправился в свою палатку. Уже забравшись в спальник, он услышал, как Мажор, срываясь на крик, объяснял своей подруге, что она курица и где её место. Накрывшись с головой, Лосев провалился в сон. Но вскоре, сам не зная почему, проснулся...

4

Огромная чёрная туча, глухо погромыхая, наползала с востока. Лосев понял, что менее чем через час она накроет их. И обрушив на землю потоки воды, смое метки, зальёт раскопы и случайно найденный блиндаж. Нужно было действовать немедленно.

Включив налобный фонарь, он осторожно спустился в чёрный провал. Это, скорее всего, был пункт корректировки огня. Стены из брёвен, развалившийся дощатый стол в углу да остов рации, рядом истлевшая шинель. Вероятно, во время боя сюда угодила снаряд и уничтожил часть укрепления. Лосеву пришлось довольствоваться тем, что осталось.

Подождав пока глаза привыкнут к полумраку, Кирилл огляделся. Рядом с просевшей стеной, около насквозь проржавевшей буржуйки, заметил очень похожий на приклад, кусок дерева. Вооружившись сапёрной лопаткой, парень начал осторожно разгребать землю. Предчувствие не обмануло. Откопав несколько истлевших банок из-под лэнд-лизовской тушенки, Лось нащупал что-то более масштабное. Руки раздвинули землю и наткнулись на холодное железо. Мосинка! Деревянные части укороченной драгунской трёхлинейки сгнили, однако металл был в довольно приличном состоянии. Приложив немного усилий, Кирилл слегка сдвинул затвор с места. Затворная рама скрипнула, показав пустой магазин.

Отложив находку в сторону, Лосев продолжил раскопку. Продвигаться нужно было очень аккуратно, так как под землёй могли находиться неразорвавшиеся мины или гранаты. Они могли сдетонировать от малейшего прикосновения.

Ещё через полметра копатель натолкнулся на пустой диск от пулемёта Дегтярёва и наполовину истлевшую сумку с противогазом. От лёгкого прикосновения резина рассыпалась, оставив в руках Кирилла два стеклянных кружочка и банку угольного фильтра.

До ушей донёлся звук усилившегося наверху ветра. Надо было поторапливаться.

Галогеновый луч фонаря заскользил по стенам, задержался на рации и ключе, который когда-то отбивал замысловатую дробь, посылая срочные донесения. Пополз вниз, мимо завала из брёвен, помятого армейского котелка и вдруг остановился на большой металлической коробке.

– Кир, – голос Рыжего был встревожен. – Быстрее давай. Скоро буря начнется!

– Сейчас!

Лосев неспешно смахнул с находки землю. Обычная металлическая коробка с плотно придавленной крышкой.

Свист ветра усилился. Но Кирилл не торопился. Обкопал коробку по периметру, осветил фонарём, опасаясь проволоки от растяжки. Осторожно раздвигая землю, просунул руку под коробку. Со лба скатилась большая капля пота и повисла на кончике носа. Сюрпризов не было. Вытащив из кармана нож, он поддел крышку и осторожно приподнял её. Пришлось приложить изрядные усилия. Металл скрипнул и поддался.

Крышка немного приоткрылась, ровно настолько, чтобы Лосев смог заглянуть внутрь, а затем, убедившись, что осторожность излишняя, схватил коробку и мосинку. В этот момент с неба начали падать первые крупные капли дождя.

5

Ливень ярился нещадно. Пытался сбить с ног, заливал лицо. Через несколько секунд парни были мокрые с ног до головы.

Выбравшись из блиндажа, Лось смог разглядеть только смутные суetyающиеся фигуры. Толик и Женька закидывали в багажник миноискатели и кое-как свёрнутую палатку, Вика, похоже, испугалась, сидела безмолвно в джипе.

– Сюр какой-то, – пробормотал Кирилл и побежал к машине. Открыв заднюю дверь, закинул нахodka на сиденье и бросился помогать. Небо над головами перерезала вспышка молнии, а затем ахнул гром. Раскат, прозвучавший, словно выстрел, над ухом, больно резанул по перепонкам. Кто присел от неожиданности, кто громко выругался.

Дождь продолжал хлестать, словно плетью. Казалось, будто сама природа наказывала своих непослушных чаd за святотатство, которое они учинили. Но люди не внимали природе. Сейчас они были заняты другими делами.

Кирилл замер. И, задрав голову вверх, подставил лицо потокам воды. На мгновение ему показалось, что его тела касаются чьи-то руки. Много, много рук гладили его лицо, плечи, спину. Словно смывая что-то. Отчищая его душу и тело. Кирилл готов был поклясться, что одно короткое мгновение слышал странный шёпот. Но был ли то звук ветра, либо воображение сыграло с парнем такую шутку, он не знал.

Вновь небо пересекла молния, а затем раскатился гром. Громкий и объёмный, словно удар в гонг.

Лосев точно очнулся. Мимо него пробежал вымазанный в грязи Женька. Похоже, он упал в раскоп и потерял очки. Кирилл последовал за ним к машине. На душе было легко и свободно. Впервые за долгие годы он вздохнул полной грудью.

6

Когда захлопнулись двери, показалось, что у всех четверых заложены уши. Грохот стихии стал приглушённым. Небесный водопад не прекращался, с противным скрипом работали дворники. Стекла быстро запотели. Все четверо долго молчали. Наконец, прерывая тишину, участливо проговорил Толик:

– Вик, а у тебя завиток волос отклеился.

Девушка ойкнула и, сняв накладную прядь волос, прошептала:

– Коззёл.

Однако Толик пропустил её слова мимо ушей и, оглянувшись, кивнул на коробку.

– Лось, а там чо?

– У меня имя есть, – резко ответил он.

– Чего?

– Человеческое имя, – повторил Лосев и твердо взглянул на Мажора. Тот стушевался.

– Что в коробке-то?

Кирилл не ответил. Примостив коробку на коленях, он пальцами приподнял крышку. Внутренность коробки была разделена на две части. В одной лежали списки и партбилеты бойцов, а во второй – что-то аккуратно завернутое в газету.

Лосеву впервые так повезло. Он и до этого отыскивал различные документы, однако ни разу находка не была в таком идеальном состоянии.

Взяв один партбилет, он осторожно раскрыл его и прочитал:

– Всесоюзная коммунистическая партия.

С криво обрезанной по краям фотокарточки на Кирилла смотрел молоденький лопухий парнишка.

– Визигов Тимофей Анатольевич, тысяча девятьсот двадцать четвёртого года рождения.

Взяв второй партбилет, Лосев отрывисто произнес:

– Каримов Ануарбек Ойдинович, тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения.

Теперь на фото был запечатлён серьёзный скуластый боец, с узкими глазами.

И таких красных картонных книжечек было около сорока.

– Что ещё там? – спросил Толик. От нетерпения Мажор вытянул шею, а Женька, подслеповато прищурился.

Истлевшая газета рассыпалась, показывая, что хранила все эти годы. Кирилл вытащил из коробки красное полотнище и начал разворачивать его.

– Это чо, скатерть? Вы, в натуре, это искали? – Вика захлопала ресницами.

На обшитой золотой бахромой ткани, рядом с большой золотой Звездой Кирилл прочел надпись: «71-й мотострелковый имени Александра Суворова полк».

Ткань была прожжена в нескольких местах. Однако цвета не поблекли.

– Здесь наши сражались. Это их знамя полковое, – проговорил Кирилл, оглаживая ткань. – Я читал про него. Когда знамя утеряли, то остатки полка были расформированы, а виновные офицеры разжалованы в рядовые... Подумать только... За него люди свои жизни отдавали.

– А теперь за него хорошую цену дадут, – уверенно бросил Толян.

Аккуратно свернув ткань, Кирилл положил её в коробку и закрыл крышку.

– Толян, тебе что, мало того, что мы накопили? – резко спросил он.

Мажор удивлённо вскинул брови.

– Вау-вау-вау. Какая муха тебя укусила?

Нервно достав пачку сигарет, он закурил.

Гроза так же стремительно, как нагрянула, откатилась на запад. Солнце осветило омытую ливнем степь. Прекратился и ветер.

Лосев не стал отвечать. Выйдя из машины, он направился к месту раскопа.

7

Дождь смыл метки, залил раскоп, сбросив в него останки немецкого солдата и покрыв их размокшей землёй. Подойдя к блиндажу, Кирилл увидел, что тот провал, в который он недавно спустился, заполнен водой.

– Так, бро, – Толик подошёл сзади и положил Кириллу руку на плечо, – Не дури давай. За этот стяг выручим хорошую маржу. За билеты немного отсыплют. Все довольны будем. А тебе, как нашему Индиану Джонсу, еще и на плюшки перепадёт.

– С барского плеча?

– Да называй, как хочешь.

– Продашь какому-нибудь зажравшемуся буржую? Чтобы он мог похвастаться коллекцией таким же упырям, как сам. Сколько ты вещей так продал, Мажор?

Лосев повернулся и взглянул в глаза Толику. Тот хотел было что-то ответить, однако, увидев взгляд Кирилла, изменился в лице. Сжал зубы и невольно попятился.

– Жень! – крикнул Кирилл, видя вылезшего из машины напарника. – Вчера ты спросил, почему я в чёрные копатели подался.

– Да ладно тебе... – Рыжий почуял назревающий

конфликт. Не в силах разглядеть, кто есть кто, парень близоруко шурился.

– Деньги нужны были. Сестру учить надо, мать за копейки пашет, а я без отца рос. Вот и подался, куда позвали, – закончил он тихо, глядя в лицо Мажора.

Толик, докурив сигарету, щелчком отправил её в воронку, что осталась от блиндажа.

– Я рюкзак свой из машины заберу.

– Кир, ты чего. Не дури, – засуетился Толян.

Но упрямец покачал головой.

– Ты подумай, Кирюх. Какие деньги мы заработаем на этом знамени! А сколько ещё провернём! Твоя чуйка и мои связи...

– Да иди ты, со своими связями, – оборвал Лосев.

– Не горячись, брат!

Однако Лосева было не остановить. Шагая по полю, он резким рывком закинул на плечо рюкзак.

– Думаешь навариться на знамени в одиночку?

Кирилл развернулся и похлопал ладонью по коробке.

– Мажор, есть вещи, которые не продаются.

– Я тебя упакую! – кричал вслед Толик. – Тебя серьёзный покупатель стороной обходить будет! Касками на барахолке торговать станешь! Пожалеешь...

Лосев оглянулся и с презрительной усмешкой, отрывисто бросил:

– Зато по совести, Мажор, по совести!

8

Солнце припекало всё сильнее. Шагать было на удивление легко. Расправив плечи, словно сбросив с них невидимый груз, Лосев шел по обочине дороги,

обходя лужи. Влажная одежда прилипала к телу, в кроссовках хлюпала вода. Но Кирилл был счастлив. Он чувствовал, что только что поставил две точки. Одну в своей жизни, а другую в давней истории.

«Нет. Вы не трусы, – думал он, держа в руке коробку. – Вы бились до последнего, и имена ваши чисты. И знамя не пропало. Оно займёт своё место среди других боевых святынь. Жива, жива о вас память».

Кирилл знал, что сделает после того, как вернётся в Москву. Он знал, к кому обратится за помощью и в чьи двери нужно постучать.

Дышалось вольно. Казалось, насыщенный озонном летний воздух, овеянный сладостью трав, наполняет душу энергией и небывалым светом.

Позади раздался звук мотора. Обернувшись, парень увидел заляпанную грязью «Ниву», которая тащила груженный капустными кочанами прицеп. Кирилл остановил машину.

– До города за сотку подбросите? – спросил он у седого мужчины. Тот усмехнулся.

– Да так садись. А то поговорить не с кем. В гости ездил?

– Можно сказать и так. Теперь домой.

Мужчина кивнул. Машину мотало по раскисшей дороге.

– Людей много, а дом у каждого свой. И земля, на которой предки жили, – жилистыми руками водитель крепко держал руль. – В этом и есть наша сила. А ещё в памяти. Без неё человек, вон, вроде ветра в поле. А ты, молодой, – фермер обернулся и весело подмигнул попутчику, – смекаешь?

Валерия Махенько

В ожидании чуда

Твердили мне с самого детства:
«Чудес не бывает, поверь:
Десятого нет королевства,
И в сказку не найдена дверь».

Но, мир принимая реальный,
Я детство в душе сберегла, -
В волшебном живу Зазеркалье,
Как в книге Алиса жила.

Со мной говорили игрушки,
И ветер секреты шептал,
И солнечный луч на подушке
Мне, сонной, лицо целовал...

И, может, поэтому нежно
Храню я о прошлом мечты,
Влюбленность в апрельскую свежесть
В морозную стылость зимы;

И мне потому невозможно,
Цветущие травы топтать, -
Ведь жизнь муравьиною можно
Нечаянным шагом прервать.

А в рощах деревья - живые,
И есть свой язык у цветов,
И волны поют мне речные
Баллады у старых мостов...

Я жизнь принимаю как благодать,
Но все же спрошу иногда:
За что же мне, Господи, радость
Такая на свете дана?

А просто за то, что покуда
Над нами светлы небеса,
Живу в ожидании чуда
И верю, что есть чудеса!

* * *

Здесь такое же утро прозрачное
Клены сонные в зелени прячут.
Дремлет лес, и оранжевым мячиком
Первый луч над верхушками скачет.

У дороги, где утром мы ехали,
Гнется тополь - ветрами исхлестан;
А у старого дома под стрехами
По весне свили ласточки гнезда.

Здесь такие же травы медовые, -
Я в их бархате нежном купаюсь;
И дышу ароматами новыми,
И наполниться ими стараюсь.

От шальной суеты мегаполиса
Горы спрятали край заповедный, -
Здесь в тиши от негромкого голоса
Бьется эхо звенящей монетой.

И ступени, печально скрипящие,
Мне как будто до боли знакомы.
Что ж такое родное, щемящее
Греет душу у старого дома?

Убегу к камышовому берегу,
Буду петь и кричать от восторга!..
И не важно, что это Америка.
И всего сотня миль до Нью-Йорка.

После сна

Последних звёзд сиянье тает
В прохладной зыбкой синеве,
И сновиденье исчезает
В движенье тюля на окне.

Еще примятая подушка
Хранит тепло моей щеки,
И кошка плюшевой игрушкой
Клубком свернулась у руки,

А сон недавний, рассыпаясь,
Сейчас забудется навек.
Я удержать его стараюсь
Под пеленой дрожащих век.

И в царство легкого Морфея
Меня уносит вночь и вночь.
Сквозь дрему снова я успею
Услышать тихий звук шагов;

Увидеть силуэт неясный,
Размытый дымкой голубой,
И восхитительно прекрасный,
И нереально дорогой;

И цепь событий многогранных
Соединить смогу в кольцо...
Но изо всех сюжетов странных
Я вспомню лишь твоё лицо.

* * *

Как задержалась нынче осень!
Как теплых дней красив наряд!
Ноябрь, а сад листву не сбросил,
И кисти держит виноград;

Лежат оранжевые тыквы
Среди желтеющей травы.
Я так к теплу уже привыкла,
Что мне не хочется зимы!

Но скоро... Скоро дней погожих
Прервется солнечный черед,
И, словно в улье растревожен,
На грядках трудится народ.

Дым от костров плывет клубами
По зеркалам вчерашних луж,
А мы в корзины собираем
Остатки поздних спелых груш.

С утра уже во всей квартире
Стоит медовый аромат;
Мы будто лето разбудили,
И осы к лакомству летят.

Кипит в большом тазу варенье,
И дольки сочные плодов
Снуют ладьями по теченью
Средь пенных сладких берегов.

Уже прозрачны стали груши,
Сироп густеет золотой.
И, суетой моей разбужен,
Проснулся добрый домовой.

Он по-хозяйски улыбнется,
Рукой слегка коснется плеч:
- Смелей!
И таинство начнется, -
Я закрываю в банки солнце,
Чтоб от зимы его сберечь!

* * *

Есть день рожденья у любви -
Я эту дату помню ясно.
И не нужны календари,
Чтоб отмечать ее как праздник.

Есть день рожденья у любви,
А дальше - время трудной жизни:
Свиданий кратких соловьи
И ссоры ревности капризной;

Насмешек добрых озорство,
Пора открытий и волнений;
И в первых спорах торжество
Совместно принятых решений.

Пусть становлюсь уже другой,
Освободясь от снов тревожных, -
Мне дорог этот путь с тобой
Из всех других путей возможных.

Как хорошо, что я и ты,-
Мы оба к этому причастны!..
Есть день рожденья у любви,
А дальше – только время счастья!

* * *

Сквозь пальцы время утекает,
Как горстка мелкого песка.
А по стене ползет тоска.
Она зеленая и злая.

И будто тень в вечерней мгле,
Она растет и разбухает,
Но так никто и не узнает,
Зачем она пришла ко мне.

Лишь я, баюкая печаль,
В тоске, как в тишине, купаюсь.
И совладать с ней не пытаюсь,
И никому меня не жаль.

Я больше не пишу стихи
И не играю на гитаре, -
Закрылась наглухо в футляре,
И волком вою от тоски.

Хочу в глаза ей заглянуть
И у порога распрощаться,
И больше с нею не встречаться.
Но это все когда-нибудь.

Когда-нибудь, ну а пока
Шепчу секреты ей на ушко...
Живет зеленая тоска
И ночью плачет под подушкой.

* * *

- Знаешь, я не люблю вокзалы.
А еще не люблю прощанья...
Я вчера тебе так сказала
В оправданье себя, в оправданье.

Не пришла я со всеми вместе,
За столом с тобой не сидела,
И не пела прощальных песен,
И в глаза твои не смотрела.

Не смахнула слезу платочком
На перроне в толпе гудящей.
Я тебя проводила молча,
Только хмуриться стала чаще.

Мне одной лишь сейчас известно,
Как душа от разлуки ноет.
Как в квартире пустой мне тесно,
Где когда-то нас было двое.

Но жалеть меня, - нет, не надо!
Это шутка судьбы такая.
Просто нет тебя здесь, рядом,
Но ведь где-то ты есть, - знаю!

Чтоб тебя не считать потерей
И отчаянью чтоб не сдаться,
В нашу встречу упрямо верю
Потому не пришла прощаться.

Августовский вальс

Где-то в полях бескрайних
Звезды давно упали...
Сколько желаний тайных
Мы загадать мечтали!
Только все чаще утром
Воздух туманом скован;
А в тишине как будто
Кто-то поет негромко.

Волны в лучах усталых
Греют речные плёсы;
Нити из бус янтарных
В косы плетут березы.
Песню уже не слышно –
Медленно гаснет вечер.
Жаль, что короткой вышла
Наша с тобою встреча.

Скоро укроет осень
Алым ковром брусничник,
В травы небрежно бросит
Горсть золотых лисичек.
Что же от песни светлой
Только печаль осталась?!
Это, прощаясь с летом,
Тихо уходит август...

Ненастье

Ну вот и первое ненастье:
То снег, то дождь идет с утра,
И серым шлейфом небо застит,
Нас прогоняя со двора.

...В кофейне маленькой безлюдно,
Уютно, тихо и тепло.
Лишь за столом холодным утром
Скучает женщина как будто
И смотрит изредка в окно.

Цветной наряд не по погоде.
Над чашкой кружится дымок.
Она забыла о работе:
То с телефона глаз не сводит,
То нервно комкает платок.

И ароматный крепкий кофе
Хоть и согрел ее сейчас,
Но не развеет вздох глубокий
И бесконечно одинокий
Усталый взгляд потухших глаз...

Она на плечи плащ набросит
И, прежде чем за дверь скользнуть,
Кого-то в небесах попросит
Пускай не бабье лето, - осень
Продлить хотя бы на чуть-чуть.

Предчувствие

Томит предчувствие любви.
Неясное пока волненье...
И где-то впереди мгновенье,
Когда замрет весь мир вдали.

Еще мои спокойны сны,
И беззаботно сердце бьётся,
А вот в глазах играет солнцем
Желанье смутное весны.

Я жду тот самый взгляд. И вот
В нем любопытство, восхищенье,
И я искусство обольщенья
Лишь для тебя пускаю в ход:

Случайный вроде бы намёк,
В ответ невинно брошу шутку.
Мы стали ближе на минутку,
А посторонним невдомёк,

Что мы с тобой из праздных слов, -
Да, не единым живы хлебом, -
Под этим грешным дольным небом
Растим сейчас свою любовь.

* * *

Как беспечно в июне солнце!
Греет утренний ветерок.
А в реке, как в стекле оконца, -
Весь палаточный городок.

Сколько лиц дорогих, открытых!
Как сияют у всех глаза!
Сколько песен давно забытых
Вспоминается у костра.

Был из музыки соткан воздух,
Мы дышали им, как могли.
Все казалось безумно просто,
И хватало на всех любви.

Тихой песне гитары вторят,
Замер лес под большой луной.
Я хочу взять на память горы,
Все залитые синевой;

Я хочу взять на память вечер,
Ощущенье струны в руке.
И запомнить мгновенье встречи,
Перестроившей сердце мне.

Кровь пульсирует в ритме звука,
Но, испивши воды живой,
Не грущу, что придет разлука, -
Наши встречи теперь со мной.

Праздник кончился, дальше - будни.
Делать нечего, станем жить.
Я опять буду ждать июня,
Потому что мне не забыть,

Как капризно в июне солнце,
Греет утренний ветерок...
А в реке, как в стекле оконца, -
Весь палаточный городок.

Попутчик

Когда весне сдается в плен февраль,
Когда октябрь дождями занеможет,
Меня в дорогу снова манит даль,
И сны ночами странные тревожат.

Мне снятся в сизой дымке города.
И перестук колёс на перегонах,
И за окном плывущая звезда,
И тишина полночного вагона.

И горьковатый запах сигарет
Случайного купейного соседа,
С которым вместе встретили рассвет
Под крепкий чай и долгую беседу.

Мне стал роднее всех на эту ночь
Тот человек, чужой и молчаливый.
Он выслушать, казалось, был не прочь.
И я все говорила, говорила...

А после в незнакомом мне краю
Он растворился в суете перрона,
Забрав с собою исповедь мою
И не оставив номер телефона.

Как он теперь живет с моей бедой?
Забыл ли просто? Носит ли с собою?
Мне стало легче после встречи той.
Вот только совесть мучает порою.

Меняет время на вокзалах ход.
И где-то в шумном зале ожидания
Моя неуспокоенность живёт
И помнит все разлуки и прощанья.

И помнит полустанки на пути,
Что мы, не замечая, пролетали.
А может, мне там стоило сойти?
А может, там меня все когда-то ждали?

И вот опять один и тот же сон:
Уходит путник в темноту устало,
Меня уносит прочь пустой вагон,
А я... «спасибо» даже не сказала.

* * *

Я - Женщина! Дарую вам Любовь,
Вселенскую безудержную нежность,
И строки самых ласковых стихов,
И вольного характера мятежность.

Меня нельзя понять и предсказать:
То поманю, то оттолкну капризно.
Но я любовь умею отдавать
Отчаянно, легко и бескорыстно.

Я в чувствах утопаю с головой.
И если вновь в душе моей смятенье,
Сведу с ума и отниму покой,
И стану вашим лучшим наважденьем.

Я не ищу восторженных похвал,
Но вызываю ваше восхищенье;
И до сих пор никто не разгадал,
В чем тайна этой силы притяженья.

За каждый миг благодарю судьбу!
О, сколько вас, в душе моей хранимых!
Мои мужчины, я вас всех люблю!
Единственных. Родных. Неповторимых.

Спокойный взгляд, изогнутая бровь,
А в голосе - манящая небрежность,
Чуть уловимый аромат духов
И дивная, безудержная нежность...
Я - Женщина! Дарую вам Любовь!

* * *

Думаю о хорошем.
Мысли полны желаний.
Я не хочу быть прошлым
Грустных воспоминаний!

Я не хочу, чтоб вечер
Стал суетливым, громким
И волшебство от встречи
Глупым скандалом скомкал.

Так уже было с нами:
Ты на моё «не верю!»
Бросишь брелок с ключами,
Хлопнешь обидно дверью.

А за порогом – осень,
Ветер свистит полночный.
В окна бросает хлётко
Град водяных пощечин.

К ним прислонюсь щекою –
Дрожь пробежит по коже.
Нашей пустой войною
Мы со стихией схожи.

Может, давай не будем
Мучить друг друга злостью?!
Мы же родные люди!
Ссоры возьмем и бросим!

Мне не хватает части,
Я, как и ты упряма:
Если мечтать о счастье,
Только о полном самом.
Ночь ступевала грани.
Сон на подушку брошен.
Мысли полны желаний.
Я не хочу жить прошлым!
Думаю о хорошем.

* * *

Утро начинается с дороги.
Сборы в предрассветной суете:
В небе – сонный месяц круторогий,
Распеваает чайник на плите.

Деловито-бодр, сосредоточен,
Ты поправишь галстук на бегу,
Как всегда мне скажешь, между прочим:
- Все. До встречи. Я тебя люблю.

По привычке губ моих коснешься
И уйдешь, спокойный и чужой...
Оглянись! Но ты не обернешься –
Ты уже в дороге, не со мной.

И от слов прощальных долгожданных
Так и не повеяло теплом:
Рядом, но как будто в разных странах
Мы с тобой уж сколько лет живем!..

В мыслях о проблемах, о работе
Забываем, что любовь была.
Нас дороги разные уводят,
Увлекают разные дела.

Все уже на грани - хрупко, зыбко...
Но рецепт спасенья есть простой:
Если утро начинать с улыбки,
То желанней будет путь домой!

Елена Пеляк

Семейное предание

Вихрем налетел чёрный день, что расколол жизнь каждого человека и всей страны на две части: до и после...

Пришёл на нашу землю враг, страшный, сильный, лютый. И началась Великая Отечественная война... А она, как известно, никого не щадит: вмешивается в судьбы людские, разрушает мечты, калечит души, отнимает жизни. Вот и по судьбе прадедушки Василия и прабабушки Татьяны она прошла, словно смерч.

Эта история передаётся в нашей семье из поколения в поколение: мне её рассказала моя мама, а ей – её бабушка. Это рассказ о доброте и чуткости, о любящем женском сердце, вынесшем и страдания, и горечь потери, но не утратившем способности сочувствовать и помогать людям, о том, как отданная другому частица тепла и добра вернулась и обернулась сторицею.

.... Хлеба в тот, сорок первый, год удались на славу. Радоваться бы да радоваться, но стояли люди у хлебного поля, вытирали слёзы, махая вслед уходящим на фронт мужьям, отцам и братьям.

Среди них, прижимая к себе троих детей, стояла Татьяна, а рядом старик-свёкор. «Пятого сына проводил на фронт», – горестно думал он. Тяжело ступая ватными ногами, пошли домой. Потом – с раннего утра и до позднего вечера убирали хлеб, а ночью – работа в собственном подворье. Помогал свёкор, старшие дети – дочери Любе исполнилось только восемь лет, сыну Васе – пять, а младшему Ванюш-

ке – всего годик. И всё ждала, ждала долгожданную весточку. А её всё не было....

Перед октябрьскими праздниками пришла пораньше домой, поставила тесто: побаловать ребятишек пирогами. Только стала месить тесто – стук в дверь. Выглянула – во дворе стояла почтальон Маруся с письмом в руке. Похолодев от страха, увидела: не треугольник - значит похоронка. Протянула руку за бумагой и –упала. Последнее, что помнила, - крик дочери.

«Вот и осиротели мы, детушки», - шептала она, глядя спящих детей, а слёзы всё катились и катились по щекам. Говорила себе: «Нет его больше, нет!». А сердце стонало и, обливаясь кровью, твердило: «Живой он, живой!» Вспоминались счастливые довоенные дни... А теперь? Как жить дальше?

Не вставал с постели заболевший свёкор: это уже похоронка на третьего сына пришла. И потянулись дни один чернее другого. Счёт дням потеряла бабушка.хлопот прибавилось: надо было ещё ухаживать за обессиленным стариком.

«Давай поживу у дочери, тебе легче будет», - просил он. «Нет, отец, мы – одна семья, как жили раньше, так и дальше будем», И никто днём не видел её слёз, лишь тёмная ночь знала её муки и страдания.

Осень сорок четвёртого выдалась ненастной. В колхозе копали картошку. Это единственное, что осталось после немцев. Татьяна шла домой мокрая и уставшая. Её дом стоял в самом конце села, маленький, крытый соломой. Собирались с мужем новый строить, брёвна заготовили, да так и лежали они, напоминая ей о той, прошлой, полной надежд жизни. Возле калитки кто-то окликнул, оглянулась – женщина-цыганка, а с ней

семеро детей. Старшему – лет десять, а младший – на руках. «Всё село обошли, пусть переночевать». А у Татьяны самой трое детей да старик-свёкор. Открыла дверь – заходите. Из печи вынула чугунок картошки. «Не обессудьте, больше угостить нечем». Поели, легли спать на ложе из соломы, постеленной на полу.

Быстро уснули уставшие от долгой ходьбы дети. Рядом с белыми головками лежали чёрноволосяе. Долго молча сидели возле них две женщины, русская и цыганка, жалуясь друг другу.

А утром, выходя из приютившего их дома, взяла гостя Татьяну за руку и промолвила: «Как поставишь пасхальный кулич на стол, так придёт в твой дом хозяин».

Как-то незаметно подошла весна сорок пятого. Всё чаще и чаще женщины поговаривали о том, что скоро война закончится, и вернутся домой мужья. Татьяна старалась отойти в сторонку: ей говорить не о ком, ждать некого. А сердце почему-то обмирало, веря в лучшие дни.

Подошло Святое Воскресенье. Вернувшись из церкви, поставила кулич на стол, пробежала глазами по чисто убранный избе. «Вот и у нас праздник», – тяжело вздохнула. Всю ночь не могла заснуть, забылась только под утро. Разбудил скрип открываемой двери, подняла голову: в дверном проёме стоял мужчина в солдатской форме. Не узнала сразу, но сердцем почувствовала: он, долгожданный, выстрадавший и выплаканный её сердцем.

– Сынок, сынок, дождался! – слезливо выкрикнул старик-свёкор.

Громко заплакал младший, совсем не помнивший отца, да и старшие испуганно таращили на «чу-

жого дядю» с перевязанной рукой глазёнки. А потом она долго рыдала, уткнувшись в пахнувшую степной горечью шинель мужа.

Нет, не погиб мой прадедущка Василий: его, тяжелораненого, подобрали выходившие из окружения солдаты. Это было в Белоруссии. Почти три года воевал прадедущка в Брянских лесах, в партизанском отряде. Дважды он был ранен, голодал и холодал, но помогала ему и сохраняла в трудную минуту вера в Победу, в людей, в свою Родину. А может быть, берегла его бабушкина любовь.

Спустя несколько месяцев остановилась у строящегося дома цыганская кибитка, и долго плакали друг у друга на груди две женщины: одна русая, голубоглазая, другая – смуглая, черноокая. А поодаль курили, смущённо глядя на них, двое мужчин. А ребяташки завели шумный хоровод. И не раз потом, кочуя по округе, заворачивала цыганская кибитка к новому сельскому дому с железной крышей. И всем здесь находился ночлег и приют...

В нашей семье не забывают, какой ценой досталось будущее. Победа сорок пятого завоёвана и моими прадедами. В семье чтят ратные подвиги прадедущки и его братьев, бережно хранят их военные ордена и медали. Вот только у прабабушки Татьяны нет никаких правительственных наград, не принимала она участия в военных действиях. Но вдумайтесь в её судьбу и сами решите: есть ли в Великой Победе её вклад.

Какие славные у меня предки! Они честно воевали и поднимали страну из руин, веря в людей и живя по совести! А мне, храня семейное предание, идти их дорогой вперед...

Оксана Крис

Забывтые поэты

Забывтые потомками страницы...
Оставленные в прошлом имена...
Как с юга не вернувшиеся птицы,
Как берег не нашедшая волна.

Сменяется одна звезда другою –
Вселенная не терпит пустоты!
Но каждая из них свой лик откроет,
Даря нам вечный свет из темноты!

* * *

Запахло пылью. Ветер стих.
Природа ждёт грозы и ливня.
И стайка безутешных птиц,
Кружит тревожно над долиной.

Волненьем дышат небеса,
Гоня тени над землёю,
И возбужденней голоса,
И горизонт покрылся тьмою.

В природе всё переплелось –
Сто раз я видела такое.
Но если мы с тобою врозь,
Не обрести в душе покоя!

* * *

Как молчаливо сплет осень!
Как низок блеклый небосвод!
Лишь налитая зелень сосен,
Мне в грусти вязнуть не даёт.

Природы чувствую доверье,
Тепло несуетной зари,
И даже, как в тени деревья,
Врачуют трещинки свои.

Примолкли птицы. Ветер гонит
Чернильных туч размытый ряд.
И в тихом сумрачном затоне,
Рыбёшки искристо пестрят.

Всё говорит о том, что вскоре,
Придёт пора студёных дней,
И будет вновь тревогой скован,
И лес, и вольный дух полей.

* * *

Все только начинается у нас.
И будто прежде мы не замечали,
Как ночь тиха! И как в рассветный час
Кружатся в танце голуби над нами!

Все только начинается у нас.
И вновь звезда дрожит на небосклоне.
Мы поняли с тобою лишь сейчас,
Чем взор ее таинственный наполнен...

Проходят дни привычной чередой,
И никому за ними не угнаться.
И стало тяжелее нам с тобой,
Подолгу друг без друга оставаться!

* * *

Короче тени на лугах.
Оделось небо синевою.
И серебрится старый шлях
Хрустальной талою водою.

Повсюду гул и кутерьма,
Играет всё и светом манит,
А из-за облачка – весна
За всем с улыбкой наблюдает.

...Здесь всполошился толстый жук.
От сна отряхивая лапки,
Он озирается вокруг,
И ленно крутится в кровати.

А чуть поодаль от него,
В своей нарядной алой шляпе,
Как в зеркало глядит в дупло,
Неугомонный модник – дятел.

Тихонько скрипнул старый дуб –
Весне открыв свои объятия,
И каждый миг её и звук,
Готова вместе с ним принять я!

* * *

Мне без тебя нельзя... Я это знаю.
Но как-то всё у нас не задалось.
Досталась, видно, доля нам такая, –
В ней поровну и радости, и слёз.

И всё же, я не стану сокрушаться,
О том, что быть могло, но не сбылось!
А сколько нам судьба давала шансов,
Быть вместе... И надолго, и всерьёз!

Вновь вглядываюсь в ясные рассветы,
Ловлю с улыбкой щебет воробья,
Всё будет хорошо по всем приметам,
В которые стараюсь верить я!

* * *

По миру раскинулись дороги!
Но куда бы ни вели пути,
Тянет нас к родимому порогу
С радостью щемящею в груди.

Проскрипишь чуть слышно половицей,
И обнимешь маму и отца...
Только сердце не дает смириться
С тем, что жизнь не длится без конца.

* * *

Неизведанная осень!
Даже тем ты мне мила,
Что в мою тугую косу
Прядь белесую вплела.

Тем, что доброю хозяйкой
Всю округу обойдя,
Шлешь туманы без утайки
И мелодии дождя.

Вновь твоим причудам рада!
Я с тобой накоротке
В нежной песне листопада
И – в лирической строке...

* * *

Я не разучилась быть бедовой!
Для тебя – открытой быть всегда.
Не жалеть ни нежности, ни слова,
Потому что ты – моя судьба.

Словно града в лепестковом мае,
Я боюсь услышать: « Всё прошло!»
И свечою в темноте растаять,
Глядя в равнодушное лицо.

Так боюсь, что даже не решаюсь,
Заглянуть вперёд на пять минут,
Всё равно тебе я улыбаюсь,
Зная, что часы не подождут!

* * *

Мне снятся в сизой дымке города.
И перестук колёс на перегонах,
И за окном плывущая звезда,
И тишина полночного вагона.

Я снова мчусь куда- то от тебя,
И счёт веду пустующим перронам,
Но словно луч восторженного дня,
Вдруг вижу я твой номер в телефоне.

...Ты говоришь о том, что всё пройдёт,
Что расстоянья нам двоим на пользу,
Что эта грусть, к лицу мне не идёт,
И слишком быстро мой несётся поезд...

Вновь промелькнули в дымке города –
И замерла планета онемело.
Проснулась я...
Но всё еще звезда,
Над горизонтом трепетно горела!

Алена Рейман

В разлуке

Маме

Покрылись тоненькие прутья
Упругой пеною цветов,
Лучи раскинуты салютом,
Как астры, с белых облаков!

Проходит день. И – полночь снова.
Совой глазастой за окном
Глядит, загадочно сурово,
Луна в уютный, тихий дом.

Но постучит в окошко утро.
Синицы за окном поют, -
Стал мой балкон для них приютом!
Забавно всем от их причуд.

Вокруг весна! Живи! Влюбляйся
В мир, что надеждой озарён!
В травы холодную атласность,
В бутончики кленовых крон!

...Мне бы обнять тебя, родная!
Ходить по берегу реки:
Поля вокруг, трава шальная!
В руке – тепло твоей руки.

Вновь расскажу своим синицам
О людях, что в моей душе!
А им пусть в лунный час приснится
Моя панамка на меже...

* * *

Человек из прошлого
Шёл навстречу мне,
Может быть к хорошему,
Но скорее – нет.
Шёл он очень медленно,
Глядя мне в глаза.
Через столько времени –
Надо же, узнал.
Я к себе прислушалась:
Тяжело дышать...
Очень любит прошлое
За руку держать.
Не сбежишь, не скроешься
И прохожих нет.
Поднялось чудовище:
Десять
Прошлых
Лет.

* * *

Как невеста, ночь в цветах весенних
Тихой и торжественной была.
Старых слив раскидистые тени
Расплывались, словно от тепла.
Замирала светлая дорога,
Принимая мой бесшумный шаг,
И лучился месяц круторогий
В заливных таинственных лугах.
Над скамьями призрачно сутулясь,
С головами, точно пузыри,
Вдоль по узкой улице тянулись

До усадьбы старой фонари.
И чем ближе я к ней подходила,
Ощущая ночи этой власть,
Тем всё больше с радостью и силой
Слышала, как будто чудный вальс.
Распушили церцисы короны
Над чугунной тяжестью ворот.
Поднимался куполом бездонным
Надо мною вечный небосвод.
И возникло странное веденье:
У калитки смутного двора,
В неподвижном воздухе весеннем, -
Женщина в плаще из серебра.
И пошла стремительно навстречу...
Страх меня внезапный охватил!
Стук, казалось, вырвется сердечный
Грозовым ударом из груди.
Лик её морщинистый и белый
Был подобен матовой луне.
Я заметить даже не успела,
Как она приблизилась ко мне.
Посмотрев в глаза, сказала строго:
«Ничего не бойся и прими
Всё на свете посланное Богом.
Внемли сердцу. И живи в любви».

* * *

Какая радость в жизни быть простым!
Всегда, во всём, до самых мелочей.
И понимать, что делает живым
Тебя не окружение вещей.

Едва ли есть работа тяжелей,
Чем отсеять ненужный в жизни хлам.
Но станет места больше – для людей
И чище путь – к счастливейшим годам.

С открытым сердцем учишься любить
Всё то, что ты порой, не замечал,
Пока и грузный, и тягучий быт
Тебя с душой твоею разлучал.

Заметишь тень парящего орла
И астровые гривы, как у львов!
Подушечки смешных кошачьих лап
И - теплоту правдивых нежных слов...

* * *

Ночь была холодной и сухою,
Истлевала ниточка зари.
А под осыпавшейся ольхою –
По свирели, худенький старик
Смутлыми перстами пролетая,
Выдувал мелодию свою.
Мягкой лентой музыка простая
Уплывала медленно на юг.
Наполнялись высохшие травы
Животворной нежностью души,
В потемневших кисточках ольховых
Встрепенулась тающая жизнь.
Становилась ночь в степи кромешной...
Я о том мечтаю, что смогу
Поднимать крыла чужой надежды
Музыкой души, слетевшей с губ...

* * *

Своенравно, печально и смело
Ты смотрел, как не смотрят другие.
На лице неприступном и белом,
Точно льдины, чернели глаза!
С высоты крепких плеч опускался
Надо мною могучей стихией
Антрацитовый плащ. И казалось,
Молчаливо ты мне рассказал
Обо всём, что с тобою случалось
До тревожной сегодняшней встречи,
Своих тайн роковые печали
Ты поверил одной только мне.
И луна, тяжело выплывая
Из-за туч в остывающий вечер,
Глядя вниз осторожно, боялась
Оставлять нас в сырой тишине.
Побледнели в руках твоих розы
От холодного лунного света,
Становился разреженным воздух –
От бескрайней, глухой немоты.
И унёс в темноту хмурой ночи
Твои мысли поднявшийся ветер,
И пронзила сиянием вечность
Миг, когда ты мне отдал цветы.

* * *

Акациевый вечер сладок,
А воздух – мягок и тягуч...
И по развёрнутой тетради
Скользит янтарный тёплый луч.

Пестрит сиреневой пастелью
Большое озеро вдали.
Луна дорожку ярко стелет,
Взойдя над краешком земли.

Я о тебе пишу, любимый,
Живя в разлуке и тоске.
И повторяю снова имя,
Прядь поправляя на виске.

Ты помнишь, тоже на закате
Стояли в замершем саду,
Не выпуская из объятий
Друг друга, словно бы в бреду!

Мы возбужденно говорили
О сокровенном и простом...
И Ангел вдруг, являя милость,
Тогда коснулся нас крылом...

Опять мне всё напоминает
Об этом вечере с тобой:
Трава пахучая степная
И неба ласковый покой.

Мои ладони все в чернилах.
Пишу: «Мне нет тебя родней...»
Я вечер этот сохранила
В тетрадке маленькой моей!

Лилия Жидкова

В мастерской у дедушки

На улице парит так, что в воздухе проблёскивают искорки. Всё живое притихло до вечера. Тягучая тишина звенит в ушах. В тени грецких орехов спит в конуре Лапик. Всё это я вижу из окошка дедовой прохладной мастерской, пока он что-то строгаёт. Летят стружки. Пахнет сосной, воском и мёдом. Под потолком сушатся степные травы, связанные в пучки. Здесь я забываю о времени.

– Дед, а правда, что мы, – Жидковы, все такие ... шероховатые?

– Ишь ты, шероховатые, – дедушка Ваня повернулся в уголок, где я тихо сидела, – От стола два вершка, а какие слова уже знает.

Дедушка насмешливо поднял густые, не тронутые сединой чёрные брови, прищурил свои тёмно-карие глаза и, подмигнув мне, продолжил строгать. Я любовалась, как ладно у него получается. Изпод рубанка с каждым взмахом показывалась полоса светлого дерева.

– Жига, ты тут? – послышался голос со двора, а следом и стук в дверь мастерской.

– Кого ещё там принесло, – досадливо буркнул дед, переменившись в лице. Он не любил, когда его отвлекали от любимого дела.

– Строгаешь? – просунулся в приоткрытую дверь почтальон.

– Помаленьку, – приободрился дед, понимая, что принесли пенсию.

– Да, зарплату пенсионеру, а «Ставрополку» в среду, – как бы предугадывая вопрос деда, громко опередил этот усатый дядька с большой тяжёлой сумкой через плечо.

– Да, Петро Алексеич, кроме тебя не осталось больше никого, кто бы меня Жигой называл, – Дед расписался в какой-то бумажке и не пересчитывая, сунул деньги в карман штанов.

– Дедуль, ты же – Ваня, а не Жига, – удивилась я.

– Это прозвище такое. С детства меня так звали в Новоселицком, откуда я родом. По первым буквам фамилии, имени и отчества: Жидков Иван Григорьевич, а сокращенно: Жига, – улыбнулся мне дедушка.

– Мы с твоим дедом, почти что однокашники. Я на годок помладше буду. А о ком вы тут толковали, о шероховатом-то? – прошепелявил в усы почтальон.

– О роде нашем, о Жидковых, – коротко ответил дед и продолжил стругать.

– Да, порода ваша и впрямь такая была, не сахар, – отметил Петр Алексеевич.

– Что значит, не сахар? – буркнул мой дед.

– Да сами по себе, диковатые какие-то... У вас то прапрабабка горянка была, таулинка, по-русски не бельмеса. Вот и дети, внуки пошли – у всех нос с горбинкой, да глаза тёмные, испепелят, места живого не оставят.

Я потрогала свой нос – и вправду, с горбинкой. Вспомнила, что и у меня, и отца, и у деда нос такой же и глаза карие.

– Петро, ты говори, да не заговаривайся, ишь нашёл что вспомнить, – дед обжёг почтальона взглядом, но того это только раззадорило.

– Наш род только своим трудом, кровью и потом всего добивался. Да, пошёл по миру где-то на Орловщине или Брянщине старый помещик. Было у него много детей. И мой предок среди них самый меньшей. На что он мог рассчитывать, коли разорился батька его? Ни земли, ни денег. Вот и вынудило его на Кавказ податься, как-никак, а здесь давали служилым землю: обрабатывай – не хочу, – рассказывал дедушка.

– Смотрите как на него, барских кровей, значит, из помещиков... ага, так я и поверил. Ты, Жига, поёшь сладко, да не взаправду. Предки твои, как и мои, из государственных крестьян, которых насилу переселили сюда из средней полосы. Барчук – значит, ну-ну, пой дальше, а я послушаю, – сплюнул под ноги на опилки почтальон, а мне стало как-то не по себе от этого дядьки.

Дед обиделся и молча продолжал работать.

– Вот, верно говорили в селе – дикий ваш род, с какой стороны ни крути.

– Не хочешь, не слушай, иди куда шёл, – махнул рукой в воздухе дед с досадой.

– Ну чего ты кипятишься, Жига? С кем мне ещё поговорить по душам, да поспорить, как ни с единственным земляком на всю округу? Кому я нужен в этой чужой станице? – глаза почтальона стали приторно влажными.

Дед, то и дело поправляя спадающие на лоб волосы, смягчился, продолжил рассказывать:

– Предок мой пошёл по военной линии, в драгунах служил. А на границе где жену найдешь? Вот и пришлось взять горянку. От них то и разросся по все-

му Кавказу наш род. Обосновались они поначалу в селении Томузловка, что рядом была с Александровской крепостью, а потом в Новоселицком, – дед снова взял деревяшку в руки и стал стамеской что-то вытачивать. Чуть помолчал и продолжил:

– Старожилы рассказывали, что в тех местах рос старый густой лес. Может, оттого название соседнего села – Чернолесское. Было время, когда в реке Томузловке ловили крупных осетров, а прибывало к берегу ценный морённый дуб.

– Ой, Иван, ты меня до коликов доведешь, – скрипуче хохотал почтальон, – тебя послушать, не заболоченная речушка, где коровы пить в жару не станут, а прямо сказка о Царе-Салтане и острове Буяне. «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Ты ещё скажи, что название речки от слияния «тому-зло»...

– А ты не веришь, я погляжу, – фырнул дед, – это сейчас, может, Томузловка из-за плотины, что в пятидесятые построили, пересохла, а раньше – совсем другое дело было. Всё от этого водохранилища «Волчья ворота».

– Настырный же ты, Жига. Как был с волчьим нравом, так и остался. Так и помрёшь. Не даром твоего прадеда Лупем назвали. Ишь как в яблочко-то попал дьяк, что даже по святцам такое имя выбрал, как «волк», а? Волчья твоя родословная, а не барская. У вас даже на дворе волчонок жил. Все десятой дорогой обходили, да стадо побыстрее мимо прогоняли. А брат твой Сашка, взглядом одним загонял эту волчицу в будку. Кого больше бояться надо было, даже не знаю.

– А не тебе судить, Петро, не тебе. Может и с волчьим нравом, зато со своим мнением.

– Ишь, ты, мнение своё появилось. А как отца твоего, сироту, к мастеру-кузнецу в Дагестан на обучение на деньги сельской общины отправили забыл? Коротка память, а? – ухмыльнулся почтальон.

– Помню, не забыл. Отец мой в Новоселицкое вернулся и повинность с лихвой отбыл, ковал всю жизнь для всего села – кто что ни попросит. И всё – по копейке, цену не драл. Гляди – разбогатели мы? Никуда не уехал, всех нас кузнечному делу обучил. Не тебе, Петро, о нём судить.

– Может, ты и прав, Жига. Он, каким нелюдимым был, а такие кресты на купола Спасо-Преображенского храма сковал, и решётку церковных ворот, что народ дивился, как из железа такое можно сделать. А по матери твоей дед, так тот резные детали иконостаса выпиливал, вот как ты сейчас. С инструментом в руках так и помер...

Дедушка надолго замолчал, задумался о своём. Почтальон прощался с ним за руку:

– Вань, ну ты не серчай на меня, с кем мне ещё прошлое вспомнить, а?

Дед проводил его до калитки, вернулся и стал поглядывать на всё ещё бесформенный кусок дерева, словно прикидывая в уме, что из деревяшки может получиться. Брал в руки разные фигурные стамески, потом зажимал кусок дерева в тисках, то вновь брался за рубанок. Я не заметила, как в его руках эта кооряга превратилась в изящную ножку для этажерки.

– Легче жить на земле, когда корни крепкие. Дерево без корней падает. Так и человек, – улыбнулся

дедушка и покрутил под лучом солнечного света полчившуюся заготовку.

– И этажерка без ножки упадёт? – Весело откликнулась я и взяла заготовку.

– И этажерка, – грустно, чему-то своему усмехнулся дед.

На ощупь дерево всё ещё оставляло зарубки и заусенцы. Но дедушка ловкими движениями наждачной бумагой удалил лишнее.

– Быть шероховатым не так уж и плохо. Главное помнить, что за всей этой шершавостью – ранимая душа, которую нужно беречь. Какими бы мы не были, а жизнь со всех нас снимет стружку, отполирует душу.

Медовый спас

Дедушка засыпает древесные опилки, раздувает дымарь, давит на мех и сине-голубое облачко летит мне навстречу.

Дедуля надевает маску и взбирается на телегу с ульями. И я бы с ним пошла, да не пускают – маленькая.

От дымаря сладко веет дымком, от рук деда – духмяным запахом трав, пыльцы, перги, мёда. По округе струится солнечный свет. Дедушка улыбается и его морщины разглаживаются. Дедуля без перчаток. Пчёлы ползают по его рукам с выпуклыми синими венами и не жалят. Он видит моё удивление:

– Пчёлы не злобливые, внучь. Ты ужаленья не бойся. Жалко их, даже если ужалят, они то погибают, а ты – нет.

Я киваю, рассматривая, как по рамке с янтарными шестигранниками хаотично носятся золотые крылышки.

– У плохих людей пчёлы долго не ведутся, – продолжает дед.

– Что значит, плохих?

– У себялюбивых и жадных, которые не любят пчёл, а жаждут от них только быстрой наживы. Человечество погибнет, говорят, через четыре года, когда на земле исчезнет последняя пчела. Они – большие трудяги. У них можно всю жизнь учиться, да так и не распознать всего до конца.

– Пчёлки – труженицы?

– Ещё какие, Лилёк. Знаешь, как определить настоящий мёд от «липового»?

– Дед, мёд же бывает и из липы?

– Я имею в виду тот, который ненастоящий, внученька, который из сахара бодяжат.

– Ааа, – я вроде как понимаю, но мысли уносятся к бесконечным грядам белых облаков на ярком синем небе, и деда я слышу будто издалека:

– Ну, ничего. Твой отец родился аккурат перед медовым спасом, вишь каким помощником мне на пасеке стал. Подрастёшь и ты, майская моя пчёлка, будешь с нами качать мёд, тогда всё поймёшь...

* * *

Ещё темно и холодно. Мы едем далеко в поля, где в посадке стоит несколько телег с уликами и вагончик, в котором ночуют пчеловоды, что по очереди несут дежурство по охране обширной пасеки. До семи утра мне дают поспать. Позже из соседней комнаты вагончика доносится неспешный тихий разговор и убаюкивающий монотонный гул медогонки, словно идёт за окном осенний дождик: кап-кап-кап.

Я на цыпочках отворяю дверь: бабушка острыми горячими ножами срезает с рамок восковую плёнку, которой пчёлы запечатали мёд, мама крутит медогонку, и по стенкам сначала быстро, а потом всё тише и тише летят заветные сладкие капельки солнца-мёда. Дедушка с отцом отбирают из ульев тяжёлые рамки, заполненные мёдом от края до края. Все по очереди следят за костром, на котором постоянно кипит вода – для бабушкиных ножей. Всюду гудят пчёлы, будто чувствуют, что результат их кропотливого труда кто-то крадёт. От стрекота цикад можно оглохнуть. Папа, сгорбившись, заносит в вагончик рамонос и ставит на пол.

– Ещё немного даданов осталось. Тучи заходят, гляди того ливанёт. Пчёлы сердятся. Надо торопиться.

Я слушаю его внимательно и понимаю, о чём он говорит: что дадановские рамки – большие, а рутовские – маленькие. И улики тоже – большие и маленькие. А такие, где выводят пчёлы свою будущую царицу-матку, я не запомнила, но эти улики совсем крошечные, будто игрушечные. Мне тоже, как и королеве пчёл, дают маточное молочко. Его невозможно ни с чем спутать, как и прополис, и пергу... Лет с шести меня учат крутить медогонку. Нужно почувствовать и набрать потихоньку именно ту скорость, не сильно – чтобы восковые кельи не разрушились, но и не слабо – чтобы ни одна капля мёда не осталась в сотах.

Дедушка умер внезапно, когда мне было десять лет. Я так и не смирилась с тем, что его больше нет. Он продолжил жить в моём сердце и в труде, кото-

рому он посвятил много лет. Мне так не хватает его улыбки, доброго сиянья глаз, его необыкновенных рассказов об обыкновенных вещах. Но живы его пчёлы, и с ними – он.

...Когда не стало дедушки, большую часть работы взял на себя папа. Мама стала срезать восковую пленочку с сот, а я в полную силу почувствовала разницу между дадановскими и рутовскими рамками, крутя их в медогонке. Я смотрела на свои измотанные руки и видела те же выпуклые вены, что и у отца, и у деда.

И сейчас, взрослой, думая о дедушке, я чувствую ароматы луговых трав, колючки, акации, гречихи. Мне чудится то сладкое марево его пасеки, струйка сизого дымка из дымаря. Медовый спас – звучит в нашей семье по-особенному, не только как большой праздник, но и как дедово спасение мёдом, как привитая им благодарность к труду и неисчерпаемой воли к жизни.

Новоселицкое

Долгая дорога кажется мне сказочной – мы едем на родину дедушки, в Новоселицкое, вместе с ним. Привычные поля сменяются необычными: нагромождениями скал, камней, похожими на чудовищ. В скалах видны пещеры, будто арки в древние сокровищницы. По другую сторону дороги разворачивается широкая долина с домиками, уплывающими вглубь. Всё в диковинку, ведь мне всего семь лет.

А дедушка оживает и рассказывает истории, связанные с его детством и с родными местами. Долгое время он не бывал у себя дома. Мы останав-

ливаемся в селе Александровском, возле знаменитого камня, напоминающего лягушку.

Дедушка Ваня взбирается к камню и хлопает по нему, словно приветствуя старого друга после длительной разлуки:

– Окаменел я уже, как и ты. Ну, бывай, брат, бывай. Не скоро уж свидимся...

Память о прежнем, давно позабытом что-то в нём меняет. Я деда не узнаю. Мы двигаемся дальше в путь, навстречу нам бежит Новоселицкое. Словно встреча с давним другом предстоит дедуле. Его тревога и волнение передаётся всем, в том числе и мне.

В Новоселицком первым делом посещаем родную тетюшку деда – бабушку Шуру. Обычная хатка с двумя побеленными комнатками, печью, домоткаными половиками. Чисто прибрано, хотя гостей никто не ждал. Около двери стоит маленький веник. В святом углу иконы. Келейка. Из окна видно цветник с петуниями, золотисто-малиновыми бархатцами... Нас встречает жилистая старушка с искренней улыбкой. Господи, сколько же ей лет, если она чуть младше моей прабабушки? Бабушка Шура: смиренная, тиха, в глазах её тепло и доброта. Она не знала о нашем приезде, но в печи пекутся пироги. Мне здесь спокойно.

Идём пешком на место, где раньше жила вся семья. Дед ступает осторожно, будто боится увидеть что-то страшное. Всё перестроено. Не узнать. Дедушка отчего-то снимает свою фетровую шляпу. Молчит.

Дальше держим путь на старое кладбище. Там лежат наши предки. Дед долго всматривается вдаль,

ищет глазами. Потом решительно шагает по высокому ковylю мимо древних крестов из ракушечника, мимо потемневших от непогоды деревянных крестов, мимо покрашенных лазоревых металлических деревенских гробниц и заводит нас в самый дальний уголок погоста. Мне не верится, что здесь лежат те, чья кровь бежит во мне сейчас. Что здесь наши истоки. Здесь те самые люди, что смотрели на меня с фотографий семейного фотоальбома. Кузнец Григорий Антонович, его жена Мария Андреевна, их родители, деды... Дедушка просит на минутку оставить его одного. Мы покоряемся и уходим.

Последняя точка нашего маршрута – храм. Самый старинный из каменных на Ставрополье – Спасо-Преображенский. Построен он на месте сгоревшей деревянной церкви. Кованные кресты увенчивают тёмно-синие купола, кованные ворота, неровная побеленная кирпичная кладка ограды... Масивный, патриархально белый, немного поросший вдоль ограды травой. Я видела такие храмы на картинках, что в Пскове. Но особенной силой и тайной веет от этого великана в греческо-византийском стиле. Вокруг густая зеленая трава, что растёт в дикой своей красоте без вмешательства человека. Дальше ворот церкви нам попасть не удастся, они закрыты на большой амбарный замок, каких я раньше не видывала...

Дедушка говорит о том, что есть время бросать камни, а есть время – собирать. И весь обратный путь, грустный, думает о чём-то своём: потаённом от глаз и мыслей других.

* * *

Двадцать лет нет с нами дедушки. Но мне часто видится, как входим мы с ним в залитый солнцем храм, идём по дощатому коричневому полу к иконостасу. Никогда прежде я не видела столько света. Вокруг старинные иконы, особая афонская икона Божией Матери Милующая, которой молятся об исцелении. Дедушка просит прикоснуться рукой к деревянной части голубого с золотом иконостаса. Едва дотрагиваюсь и чувствую тепло – здесь черпаю я свет. Загорается маленькая лампада, она освещает мой путь.

Зов сердца

*«Нам в тайну тайн проникнуть невозможно,
В предел запретный человек не вхож»*

Эти загадочные строчки увидела я на памятнике Новоселицкого кладбища, который выбивался своей необычностью на фоне сельского погоста. Серая плита с этими стихотворными сроками, двумя рельефными розами. Надгробие тоже серое, с плачущей, скорбящей женщиной, которая склонилась над могилой на коленях, всё надгробие в лепных орнаментах. На памятнике не было фотографии, ни таблички о том, кто здесь похоронен.

В каждый приезд в Новоселицкое я подолгу стояла у этой могилы.

Возвратившись в Ставрополь, я не могла успокоиться: кто же там похоронен? Сначала оказалось, что строчки из стихотворения «Недоуменья» принадлежат Никите Муравьёву, написанного в Париже в 1949 году. Потом крайнее любопытство заста-

вило меня написать во Францию электронное письмо его сыну, археологу – Сергею Никитичу. Выяснилось, что эта эпитафия разошлась по всему СССР из Украины, где впервые была использована.

История эта позабылась, стёрлась. Хлопоты домашние, суета, праздники. Год прошёл незаметно, и мы вновь отправились в Новоселицкое. Каково же удивление, когда я дошла до памятника и увидела фотографию и табличку. Это была она! Родная тётушка моего деда, с тем же доверительно-кротким взглядом смотрела она с овального фото. А табличка гласила, что именно та бабушка Шура покоится здесь, та самая, что встречала нас пирогами. Подошедшие следом родители посмотрели на табличку, приобняли меня, и я услышала:

– Вот тебе и зов сердца.

Росток

Часами напролёт в детстве я могла наблюдать за первыми фиалками, пролесками, лютиками и просыпающимися муравьями. То первое дыхание весны, первые теплые солнечные лучи будили во мне радость. И сейчас букетики фиалок с их тонким-тонким ароматом, что продают старушки, возвращают меня в то навсегда, кажется, потерянное ощущение далёкого счастья.

Из детства всплывают калейдоскопом и другие картинки. Мы сутки едем с мамой в плацкарте поезда к ней на родину в село под Пензой. Не успели приехать, как уже идём в лес по ароматную землянику. Возвращаемся, пьём душистый чай со сладостями. Потом я остаюсь в домике одна. Часы на сто-

ле, на клетчатой клеенке щёлкают в полной тишине: тик-так, так-так. Стрелка доходит до половины пятого. Я выбегаю на крыльцо и кричу что есть мочи маме и бабушке, которые стоят около деревянной бани в ожидании нашей коровы:

– Киту келе! Киту келе! («стадо идёт» по-татарски)

...А вот: с отцом в станице мы выходит в огород с подзорной трубой. Ночь манит прощальной летней прелестью. Мы ждём заветного часа и наблюдаем поток Персеидов – звездопад. И окутывает нас неразгаданный Вселенский секрет. Мы жарим котлеты на открытом воздухе, а потом пьём всей семьёй до самого утра, когда начинают петь третьи петухи. Делимся размышлениями, шутим и никак не можем вдоволь наговориться.

Деревня вырабатывает терпение. Ты позаботился о земле, и она, чуть срок, позаботится о тебе, щедро вознаградит.

Посреди этой осенней пронизывающей хандры проснулась во мне тяга к земледелию. Посадила в горшочек косточку. Долго ждала, когда прорастёт, а потом совсем забыла. Прошли новогодние праздники. После долгих двух первых рабочих недель я вспомнила про посаженную косточку. И вот оно чудо! В ту пору, когда за окном мела метель, западный ветер принёс ураган, у меня на балконе появился первый росток, как напоминание о великой тайне жизни, как привет из детства.

Велосипед

– Хочешь на велике прокатиться – гони полтинник, – дразнил Маришку через открытое окно со-

седский пацанёнок Кирилл. Он демонстративно ездил вдоль прозрачной сетки-рабицы, служившей забором между широким палисадником Ярошенко и улицей. Маришка выглядывала на улицу, потирала кулачком курносое личико и с завистью глядела, как Киря выписывает на велосипеде пируэты вдоль домов.

Девочка посмотрела на свой большой портфель, и вспомнила, что в боковом кармашке лежит её крошечный кошелёк, а внутри оставались с последнего перед весенними каникулами дня, сбережённые карманные деньги. Как раз хватало – ровно пятьдесят.

Маришка бросила портфель, кошелёк сверху и мигом очутилась на улице. Кирилл катал Ваську из дома напротив.

– Есть полтинник? Даром не вожу, – ухмыльнулся рыжий вихрастый Киря, подъезжая к калитке Ярошенко.

– Вот, – скромно протянула Маришка.

Кирилл недоверчиво повертел купюру на солнце, пощупал уголки и сунул в карман штанов.

– Садись, – коротко скомандовал мальчуган, и вместе они понеслись вниз под уклон улицы.

Маришку охватил восторг. Проносились мимо дома, телефонные и электрические столбы, замелькали тюльпаны и отцветшие нарциссы на клумбах. Пахнул прямо в лицо свежий, неуловимый ветерок. Он обдувал её зелёное платьице, трепал ласково фонарики рукавов. Волосы, убранные в хвостик, били по щекам, но всё это было так приятно Маришке, что ни на что она не обращала внимания. Доносился аромат черёмухи, сменялся дурманящими цветущи-

ми станичными садами. «Вот оно счастье! Вот она неуловимая радость! Вот она – весна!», – проносилось в мыслях Маришки.

Но длилось это недолго. В конце улицы Кирилл остановился, слез сам и помог слезть девочке.

– Сеанс окончен, хотите ещё, тогда гоните новый полтинник, – весело и злорадно прокричал Киря и умчался вверх по улице налегке.

Маришка шла домой пешком и только горько вздыхала: «Ах, если бы и у меня был свой велик. Тогда бы я могла дни напролёт кататься... Если каждый раз отдавать по пятьдесят рублей, это ж сколько получится? Нет уж, дудки, я буду копить на собственный велосипед».

* * *

Она прибежала домой и разбила свою копилку, но там оказалось только сто рублей мелочью. До дня рождения было ещё далеко. Клянчить и просить ей было совестно, и с того дня Маришка задумалась: где бы достать денег, чтобы купить велосипед?

За день Маришка отмыла все бутылки, скопившиеся в сарае. И вместе с папой они отвезли их в пункт стеклотары. Но денег по-прежнему не хватало. Тогда она начала помогать соседям по мелочи: кому в огороде, кому в магазин за хлебом сходить. Досталось ей от родителей за то, что проезжавшим цыганам она за бесценок отдала три медных самовара.

– Ну, откуда ж мне было знать, что из трёх можно один хороший сделать? У одного не было ручек, у другого краника, а третий – весь позеленел, – Маришка развела руками и убежала в своё укромное

место: за маленький домик, служивший кровом для двухнедельных козлят.

Там она любовно пересчитывала монетки, которых набралось уже целый мешок, и в мечтах уже каталась на своём личном велосипеде. Сквозь блеяние козлят Маришка услышала совсем другой писк, но откуда он шёл – было непонятно. Девочка аккуратно положила мешочек к стенке домика и прислушалась сильнее. Писк то приближался, то исчезал. Вскоре Маришка догадалась, что звуки, так взбудоражившие её, идут из чердачка этого домика. Отворив крошечную деревянную дверцу, девочка увидела на досках разбросанные тряпки, а на них – лежащую кошку со слепыми ещё котятками.

– Так вот, кто тут пищит, – Маришка тихонько любовалась, и вскоре закрыла дверцу, вернулась в свой уголок, на ходу придумывая клички для рожденных котят.

Она слышала, как её бабушка подошла к колодцу, набрала воды и вернулась к домику; как пытается открыть дверцу чердачка, которая не поддавалась её пальцам и тихо бурчала:

– Ишь, наплодила, плутовка... С соседским котом шуры-муры, а нам потом что с твоим отродьем делать, чем кормить эту ораву, а, Мурка? Сама виновата, негодница, что приходится грех на душу брать, да топить, пока глаза не открылись...

У Маришки похолодело внутри. Она вышла из-за угла домика и уставилась на бабушку.

– Что ты делаешь, ба?

Бабушка от неожиданности отпрянула от дверцы.

– Ничего, внученька, ничего. Я вон, это, козлятам

водички принесла. Иди в дом, а то ветерок вон какой поднялся, простудишься.

– Нет, бабуль, ты убить их хочешь! – Маришка зарыдала так, что нечем было дышать.

– Иди в дом, Мариночка, – бабушка попыталась взять её за руку.

– Пусти меня, пусти, – крикнула Маришка. Она выронила пакет из рук и монеты со звоном покатились по бетонной дорожке.

– Не нужен мне велосипед! Только не топи их, они же живые! – Маришка утирала слёзы кулаком, а они ручьём лились из глаз.

Бабушка опустилась на землю, обняла Маришку за её хрупкую талию и тихо горько заплакала.

– Прости меня, внучь, прости ... Что же я делаю в самом-то деле?

Сбежались все домочадцы. И когда обеих успокоили, когда ведро было надёжно спрятано в сарае, когда все монеты собраны в новый мешок, Маришка на носочках подошла к домику и заглянула на чердак. Но ни кошки, ни котят там больше не было. Почуввав опасность ли, а может из-за шума-гама Мурка перетащила котят в более тихое и укромное место.

Семья увидела котят уже совсем подростками, но диковатыми, вылезавшими из щели в пороге дома. В руки они не давались, фыркали, норовили поцарапать и укусить. Ластились они исключительно к Маришке. Двух котят: беленького и трёхцветного забрали соседи. И остался один рыжий в полосочку, названный Маришкой – Велосипедом.

Каро

Иван Иванович слыл в станице отличным охотником, хоть и пришлым. Статный, осанистый, с окладистой бородой, добрый и обласканный женским вниманием вдовец, вызывал он всем своим видом у местных казаков зависть и ненависть. Что ни день, пропадал он с ружьём в лесу и без добычи не возвращался. То баловал сына Юрку зайчатинной, то куропатками, да перепёлками, часто возвращался домой с фазанами. Одна лишь мысль гложила его, ненароком услышанная промеж товарищей по охоте: «Иван Иванович – стрелок отменный, и ружьё у него не ровня нашему, да только какой охотник настоящий, если у него ни одной собаки нет?» О ружье Иван Ивановича хотелось сказать особо: это был «Зауэр» три кольца, двенадцатого калибра, бескурковка. Когда все вокруг щеголяли потертыми курковыми «ижевками» и «тулками» шестнадцатого калибра.

И загорелось тогда Иван Ивановичу купить себе настоящего гончака.

На подворье своём выстроил он большой вольер. И поехал с сыном к другу за собакой. Друг Геннадий работал лесником в местном лесхозе. Собаки у него были просто на зависть. Часто находили дичь там, где другие выжлецы были бессильны. Выбрать из двоих Иван Иванович так и не смог, и забрал двух щенков из помёта: рыжего, с чёрным подпалом, кобелька Каро и песочного окраса суку Дэзи.

Гончие росли быстро и к началу осени уже вовсю приучались к охоте. Щенки получились копиями родителей. Невысокая, но быстрая на ход, с длинной лисней мордой Дэзи. Каро был необычайно крупен для

гончака, с мощной грудью и лобастой головой. Характеры у них были совершенно разные. Вьедливая, до тошная Дези никогда не бросала след, распутывала самые заколдованные петли. Если долго не было зверя, то Каро терял интерес к охоте и просто таскался за Иван Ивановичем. Но по подростковой щенячьей радости для них это больше была потеха, чем дело. Вскоре зов предков взял своё, Каро и Дэзи вставали на след и подавали голос. Как же радостно было слушать эту смычку Ивану Ивановичу. «Ай-ай-ай-ай», – звонко неся в морозном воздухе гон Дези. «Ух-ух», – вторил ей Каро. И никто из станичников уже не мог сказать, что Иван Иванович только наполовину охотник.

* * *

Иван Иванович нарадоваться не мог на своих гончаков, показывал всем гостям, хвастался дичью, добытой при помощи своих любимцев. И у Юрки, совсем ещё мальчишки, затаилась в глубине души ревность. Ничто так не волновало Ивана Ивановича, как охота. Сына он считал несмышлёнышем, всё больше оставляя его на попечение соседок, когда отправлялся в лес. Из трёх раз, когда отец брал сына с собой, Иван Иванович не подмечал в нём мужского азарта, не видел искорки в глазах. Так и махнул рукой: «Весь в мать пошёл».

В один вечер собрались в доме гости. Как заведено, после сытного ужина, Иван Иванович повёл всех на осмотр владений. Подойдя к вольеру, Юрка начал дразнить собак, вымещая в этом злобу и ревность. Калитка оказалась незакрытой. Каро выбежал и в порыве игры цапнул Юрку за щиколотку.

– Чтоб ты, сдох, – исподлюбья шикнул Юрка и завопил от боли.

Иван Иванович подбежал, осмотрел ногу сына и тихо, чётко произнёс:

– А ну, марш в свою комнату.

С того дня Юрка косо поглядывал на вольер, обходя его стороной.

* * *

В один день Иван Иванович вернулся с охоты домой только с Дэзи.

– Так ему и надо, – злорадствовал Юрка.

– Уйди с глаз долой, – завыл Иван Иванович и швырнул рюкзак в угол.

На дальнейшие вопросы сына он не отвечал и, выпив стакан водки, не раздеваясь, лёг спать. Спал он недолго.

Юрка вышел на улицу, покрутился во дворе и тихо подошёл в вольеру. Дэзи, обычно веселая, юркая, лежала, поджав под себя лапы. Она не скулила, не рычала, не виляла хвостом. Она просто лежала и отстранённо смотрела вдаль. На правом плече виднелась довольно глубокая рана. Тоска охватывала сердце мальчика от вида собаки.

– Дэзи, эй, Дэзи, – тихонько позвал её Юрка, – есть хочешь?

Гончая подняла голову, в глазах её промелькнула надежда, она что-то учуяла, но тут же поникла. Взгляд её потух, и она легла обратно.

Отец вышел и направился к вольеру с ружьём и рюкзаком за спиной, на животе у него болтался полупустой патронташ:

– Дэзи, девочка, выходи, давай-давай, милая!
Но собака не шевельнулась.

– Ну и чёрт с тобой, сиди тут, – буркнул Иван Иванович и грюкнул калиткой.

– Я с тобой, пап, пойду, – отозвался Юрка.

– Тебе незачем, – вздохнул Иван Иванович, – Ну, коли хочешь, давай. Беги, одевайся.

Юрка шмыгнул в дом, быстро оделся и вышел.

Спустя час они вместе брели по лесу. Деревья сбросили листья и казались совсем оголенными, открытыми всем ветрам. За рекой в небо поднимался змейками дымок от костров – в Михайловке жгли листву. Кубань совсем обмелела и на круглых гольшах лежали корявые, выбеленные водой коряги, вынесенные на мель. Великанами возвышались ободранные от коры рябые стволы дубов. Лес никто не чистил, и он порос молодняком, окрепшим к осени. То и дело взлетали из-под ног неизвестные Юрке птицы, но отец шёл рядом растерянный и не трогал ружья.

– Ка-рооо! – хриплым от натуги голосом звал отец.

– Ка-рооо, – эхом разносился зов Юрки.

– Ты смотри, как мужает мой сын, а я и не замечаю. Твой голос становится ниже и крепче, – горько усмехнулся Иван Иванович и потрепал сына по шапке.

– Давай-ка присядем, отдохнём немного, – показал на упавшее дерево отец.

Они уселись на дерево. Иван Иванович пристроил ружьё, опустил рюкзак, достал старый термос, колбасу и хлеб. Большим охотничьим ножом отрезал

краюху хлеба, кусочек колбасы и протянул Юрке. Следом нарвал с куста алых ягод шиповника, бросил в термос, чуть после налил чай в крышку и дал сыну.

– Знаешь, а ведь Каро с армянского можно перевести как драгоценный, а с итальянского – дорогой, милый... Видно, с концами убежал наш Каро, – отвёл в сторону влажные глаза отец.

Они до темна искали пса, звали, но так и не нашли. На пути домой в темноте промелькнул силуэт собаки.

– А ну, тише, тише, – приложил палец к губам отец и остановился.

Остановился и Юрка. На край опушки вышла серая собака, с осторожностью поглядывая на людей, но быстро скрылась в чаще. Следом мелькнула еще одна тень. За соседним пригорком раздался тоскливый вой. К первому голосу присоединился хриплый второй.

– Это были волки, – тихо сказал отец.

Что-то произошло с ними в этот день. И Иван Иванович и Юрка это чувствовали.

Юрка лежал в своей постели и думал о том, как глубоко отец привязался к Каро, и как отрезвила его эта потеря. Потом он долго не мог уснуть, оттого, что представлял пса в лесу совсем одного, без защиты человека. И то, как им преградил путь домой волк. Юрке стало совсем совестно, когда раз за разом вспоминал он свои злые слова, пожелания смерти Каро. Ведь, по сути, пёс был ни в чём не виноват. Ночью Юрке снились кошмары. Прошла неделя, следом вторая. Каро не возвращался. Растаяли последние надежды. Лучи солнца прошли по Юркиному

лицу, и он проснулся с удивительным ощущением счастья. Со двора доносился звонкий лай Дэзи.

Юрка вышел на крыльцо и почувствовал, как холод утра сковал его. Он не понял спросонья, как наступил босой ногой на что-то мягкое и тёплое. На крыльце лежал Каро. Весь исхудавший, в репьях, с выдранной местами шерстью, но живой!

... Прошла зима. А в конце лета в окрестных хуторах стали пошаливать волки: то козу стянут, то зарежут привязанную за оковицей тёлку. Местным трактористам пару раз на глаза попадалась волчица с четырьмя лобатыми рыжеватыми волчатами.

Из Петербурга с любовью

Как явь, вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!

Николай Агнивцев

Как только не величают Санкт-Петербург: Версаль, Венеция, Пальмира, и непременно с приставкой Северный или Северная. А ещё: Инкеримаа (прекрасная земля), град Петра, Ленинград, культурная столица, неформальный Питер. И для каждого этот город особенен по-своему, сколько имён, столько и городов, но всё это – Санкт-Петербург.

Мне посчастливилось прожить в нём две недели осенью и, признаться честно, мы поладили с ним не сразу, но присмотревшись, ощутили радость и тихое счастье, обрели настоящую крепкую дружбу.

Первый снег

Как увидеть город таким, какой он есть на самом деле, без масок и грима? Ответ один - в воскресенье пораньше отправиться в путь. Пока ещё не потушили фонари, вдоль Мойки в сторону Невского проспекта, пока царит безмолвие. Всё тихо дремлет: и Нева, и Мойка, и Фонтанка. Петербург, спросонья, наблюдает только за нами. Плывёт в лёгкой дымке дом декабриста Кондратия Рылеева перед Вознесенским проспектом у синего моста, штаб подготовки восстания, а до этого – российско-американской компании. Громадой высится Исаакий и исчезает стремительно, так же, как и появляется.

Ни людей, ни машин. Мы с вами тихо ступаем по тротуару. А на набережной слышно только, как первые робкие снежинки опускаются на землю. Вы взглянёте мельком на Мойку и остановитесь, пораженные картиной северной природы. На воде плавно и важно проплывают дикие, но холёные утки. Самолюбиво красуются в отражении мерцающих волн горделивые селезни с изумрудными шейками. Снег падает на их пёрышки и сразу же тает. Надо бы продолжить путь. Во двориках, за решетками оград, хозяйничают воробьи, на площадях господствуют голуби. Безлюдье. Кажется, что вовсе это не Петербург. И лишь птицы придают уют и сердечное тепло этому болотистому некогда месту, как бы холодно в это время года здесь не было...

Мы поворачиваем на Невский проспект, и появляются люди. Город оживает. Открываются первые ларьки с горячим сбитнем и глинтвейном. Азиатского вида парень с хозяйской раздражительно-

стью, когда подходим мы за горячим сбитнем, покупает нашу русскую матрону-продавщицу тем, что кипяток уже должен быть готов. Женщина невозмутимо достает порционный контейнер с концентратом сбитня и оглашает, что кипятка требуется подождать. Пока ждем, неловко поглядываем на её морщинистое лицо, пёстрый макияж, собравший все оттенки оперенья тропических птиц. И вот напиток наконец готов, он пахуч, тёмен и горяч так, что обжигает руки в картонном стаканчике. Можно продолжить путь.

На перекрестке Невского и канала Грибоедова прощается влюбленная пара. Юноше надо бежать совсем в другую сторону, а девушке – перейти через дорогу. Уже догорает зеленый свет, включается красный, а они никак не могут разойтись. Они кротко целуются у самого краешка тротуара, закрывая лица сложенными в лодочки ладошками. И снег тихо падает и падает на их счастливые головы. Наконец наступает момент прощания. Девушка бежит по зебре, постоянно оглядываясь, то и дело рискуя упасть. А юноша машет вслед ей, пока девушка не скрывается из виду. Молодой человек с портфелем под гудки взбешенных автомобилей бросается в сторону гостиного двора прямо на красный, и, слава Богу, успевает проскочить между машинами.

Суетливо поднимают рольставни туристических избушек приглашающие на экскурсии зазывалы. В одном из них узнаём мы знаконца – дядечку с седой окладистой бородой и маленькими юркими глазками. В своем дутом сине-голубом пуховике он напоминает яхтсмена-мореплавателя, а вовсе не продав-

ца туристических путёвок. Он издали примечает нас и приветствует богатырской ладонью.

Часы-куранты на башне бывшей государственной думы бьют восемь. И следом по воскресному Петербургу разливается колокольный звон. И в этот момент чужой город с незнакомыми людьми, с потоком иностранной речи вокруг, вдруг становится своим, будто говорит о том, что только на вид он строгий европеец, а внутри у него добрая русская душа. И по всей глади речной и морской проплывает переливами звон колоколов.

Откровение

Вдоль северных островов дельты Невы плавающий ресторан «Корюшка» направляется в воды Финского залива. До того, как звучит команда: «отдать швартовы!», стайки официантов носятся с борта теплохода на большую землю и обратно – идёт заготовка провизии, бумажных салфеток, всего необходимого. Сипит пар.

Не утерпеть! После долгой прогулки по городу, в холодном пальтишке на пронизывающем ветру, манит меня теплом застекленная палуба. Сжимаю в руке заветный билетик, почти что прыгаю по сходням на борт.

Внутри тепло и с камбуза крепко пахнет жареной рыбой. Отчаливаем, едва включают чуть слышимую запись экскурсии, как маячат официанты с навязчивым вопросом: «Что желаете?» А у меня в кармане осталось сто рублей. «Чай с лимоном, пожалуйста», – отвечаю я и чувствую себя чужой на этом празднике жизни.

За соседними столиками заказывают гораздо охотнее. А репродуктор надрывается и хрипит, рассказывая о крейсере «Аврора», который мрачно с завистью поглядывает на «Корюшку» со своего вечно-го прикола по левую от нас сторону. Слушаю экскурсию только я, предвкушаю приключение, открытие неизведанного. Мы идём мимо невиданного прежде Каменного острова. Из невесомой дымки vyplывают навстречу нам вдоль набережной Малой Невки особняки с причалами. На одном из них таинственно провожают теплоход зеленые сфинксы. Волшебные, сказочные старинные особняки отражаются в белёсо-свинцовой воде. То покачнётся на волне чешуйками крыши башенка, то всколыхнется арка, то ажурные балкончики.

Официанты несут закуски и разносолы. Крикливые соседи выпили уже бутылку. Посоловевшими глазами ищут стюарда, заказывают вторую. Шумно. Никому ненужный голос из колонки стало почти не слышно. Кто-то из команды экипажа добавляет громкость. Я отогрелась, но необъяснимая тоска скрипнула в сердце: «Что вижу я вокруг? Снаружи – акварельными красками разлита красота, тонка она и хрупка, кажется, взмах ресниц – и всё растает. Сон ли, явь? Царапает стеклышко осенний дождик, дымка, пелена, сокровенная давность времени. А здесь? Беспощадное безучастие к этой едва уловимой нежности севера, здесь напоказ: власть, богатство, распутство...»

Теплоход проплывает мимо Императорского яхт-клуба, мимо специально оборудованной стоянки для яхт, катеров и других маломерных судов –

петербургской марины. Хорошо было смотреть на встречные катера, но «Корюшка» горько охает, глядя на красавцев, уходящих в Балтийское, Норвежское, Баренцево моря, вздыхает о своей судьбе: извечно ходить до выхода в Финский залив и обратно к причалу Английской набережной, к своей Адмиралтейской игле. И в угрюмые дни без пассажиров грезится ей Английская набережная та, что в Ницце, пальмы, тёплые воды средиземноморья. Как сладко звучит ей вожделенное: Северная Атлантика, Гренландия, Экватор. Эх, грёзы! Только сейчас перед ней лежит до дыр изученный Петровский фарватер, что за работёнка. В длинную каюту ресторана пахнуло с залива свежестью невиданного ранее простора, древности, могучей силы.

Не выдерживаю я терпкого нрава разгоряченных соседей, выхожу на открытую палубу. Нежно дрогнуло моё сердце от осенней Балтики. Вот они, морские ворота Санкт-Петербурга. Невская губа, а дальше – Финский залив. Окно в Европу! Томит оглушительное неохватное пространство, волна под турбинами ворчит, гудит, о чём-то поведать хочет. Тянет от неё тысячелетним холодком, тишиной глубины. А на поверхности жизнь! Испить бы этот насыщенный пахучий резкий ветер. «Моряна!», – вспоминаю я название его, и само слово это блаженно рокочет, струится и окрыляет. Отдает оно во мне жемчужно-палевым и пряным: мо-ря-на!

Кругом строгий аскетичный пейзаж. Скалы. Камни. Чайки летают и повисают над водой. Море, вот оно совсем рядом – стоит только протянуть руку. Вот где воистину чувствуешь присутствие Бога. Он

здесь! Не там, в душевной, накуренной ресторанной кают-компании, а тут, где весь открыт ты дальним берегам. Где всю жизнь готов посвятить простому человеческому труду, ловле рыбы в Белом море и жизни на заброшенной тоне с обомшелыми крышами и стародавними скатертями с мережкой, а может, рубке леса под Архангельском, далеко на севере, где Пётр Первый на верфях закладывал свои корабли и грелся у печи вместе со своими мастерами. И восторг охватывает нутро от простых вещей: теплая камелька, искристого морского бриза, что отдаёт едва уловимой хвоей, от простоты мысли и слова, что не уловить это неожиданное откровение, невозможно пережить дважды.

«Корюшка» замедляет свой ход, на несколько минут глушит двигатель, покачивается на волнах, приборматовывает что-то. Нахлынуло ощущение спокойствия, свободы и чистоты. Гляжу по сторонам, дышится прозрачно и невесомо. В противоположной стороне раскинулась Ладога – там исток Невы. А в Ладожском озере хранит тишину Валаамский монастырь, где нет связи с мирским и душевным. Так вот почему в жадно поедающих яства и запивающих обильно современных бизнесменах чудятся мне Шмелёвские купцы. Обратный путь другой, по Малой Неве. Плывёт рядом с нами Васильевский остров с проспектом Крузенштерна, плавно переходит в набережную Макарова с опрокинувшимися в воде небоскрёбами. Минуем мост Бетанкура. Сердце бьётся чаще. Таинственно молчат берега. Справа виднеется набережная реки Смоленки, приближается Тучков мост, тот самый, где навек попроща-

лись герои Вадима Шефнера. Поднимается в высоту Екатерининский Собор, в глубине острова спрятались линии, дом с аптекой Пеля и башней Грифонов. Другой, мистический Петербург.

Официанты собирают посуду, разносят сдачу и радостно бренчат и шуршат чаевыми. Совсем другим выглядит стрелка Васильевского острова с античным зданием биржи, утопленном в глубине. Приходящие по морю торговцы явно испытывали трепет перед городом. Две ростральные колонны встречают всех вновь прибывших, словно маяки – святыня всех морей. Нет маяка – нет мореходства.

«Корюшка» причаливает. Пассажиров просят сойти на берег. Мне грустно и светло. Благодарю северный край за дарованное откровение и на мягких ногах ступаю на твёрдую гранитную набережную. Хорошо сейчас будет очутиться в гостинице, в тепле и уюте. Как хорошо и дивно будет просто смотреть из окна, как на Мойке мерцают фигурные ленточки серебряного и золотистого цвета мелкой зыбью, как будет тихонько покачиваться старый фонарь на мосту.

Всем хочется чуда!

Распогодилось, вышло ненадолго отчуждённое северное солнце. А я всё брела, брела и очутилась у сфинксов, что на Университетской набережной. Гласит надпись на постаменте: «Сфинкс из древних Фив в Египте перевезен в град Святого Петра в 1832 году».

Сколько веков они глядят на людей? Загадочны и насторожены. Время для них течёт совсем иначе, чем для нас, простых смертных. И страшно, что

вдруг оживёт мифический зверь. Благоговеешь со священным трепетом перед ним, и понимаешь, что ты – всего лишь песчинка в пустыне вечности. Все хотят услышать их песню тайн, загадать желание, потерять на память, но мало кто знает, как. А ходит по Петербургу легенда, что если одарить сфинксов цветами и разгадать девять их загадок, то смогут они открыться. И сейчас в лапах у одного из них лежит маленький букетик цветов: может быть оставила пара молодожёнов, а может – кто-то услышал их «песню тайн».

Неискоренимо людское желание верить во что-то сказочное. Случилось мне видеть, как девушка с растекшейся тушью от слёз, прятала записку в статую крылатого льва-грифона на Банковском мосту через канал Грибоедова. Со времён Древней Греции приписывали им свойство охранять клады и исполнять желания, стоит лишь потерять лапу. Не так давно львов отправляли на реконструкцию, и какво же было удивление реставраторов, увидавших в полых скульптурах особый клад: монеты, купюры разных стран и достоинств, крышку от заварочного чайника и записки, две из которых даже напечатали в газете. В одной чёткий перечень, явно написанный клерком: «Работа по специальности в суде, карьера, финансовый успех, удачное замужество, прописка в Петербурге, благополучие», а во второй крик отчаянья, мольба о помощи: «Хочу срочнейше мужчину, который будет меня уважать, любить и содержать».

Милое сердце

На площади черно от зонтов. Город оказался в преддверии ненастья глух и древен. За витриной Елисеевского гастронома красуются экзотические фрукты, манит выпечка, и так душисто-печально пахнет горечью земли с немногих клумб, что всё твердит: давно наступила осень, перестал облетать лист, пора смириться с чугунным небом и сплинном. Туча с косыми кисеями дождя доплывает до Невского проспекта. Сначала несмело, но всё увереннее прибавляет дождь силу и спустя время пускается наутек поливать мостовые, двери парадных. Нужно где-то обрести приют, зонтик бездумно остался лежать в номере гостиницы.

Под кровом Казанского собора тепло. Сумрачное пространство, слабо освещенное с улицы, располагает к уединению и мыслям наедине с самой собой и с Богом. Под тихий шелест людского голоса изнутри светятся и потрескивают свечи. У могилы Кутузова мерцают рубиново лампадки.

Отовсюду стекаются поклониться иконе Казанской Божьей матери и попросить её о самом сокровенном. Впереди в веренице паломников местная седенькая петербурженка с усиками на верхней губе. Светлая, набожная, простая, она всё время рассказывает своим пышным заезжим гостям из Архангельска: про чудотворцев, про праздники и горести. И так сладко её слушать, так слова её летучи и легки, будто скручивает она их из шелка в невидимую невесомую пряжу. Не замечаю, как подходит и мне радость прикоснуться сердцем к святыне.

На проспект выхожу с благодатью. Уже и дождь не кажется мне так жесток, и холоден, сырость не сковывает руки и ноги. Рядом с храмом, под зонтиком стоит женщина в чёрном, держит деревянный короб с крестом и надписью «на Оптину пустынь». «Монахиня», – смекнула я и аккуратно бросаю денежку в ящик. Неожиданно каменное лицо монахини, вымокшей на дожде и ветру, оживает и светится. Она говорит, что среди сотен людей за несколько часов, вышедших из собора, милостыню подала только я. Во след я слышу: «Спасибо за твоё милое сердце. Вернется тебе милое, не жалея, во сто крат». И тут я вдруг неожиданно понимаю: давнее в обиходе слово «милосердие» так закралось в речь, что мы позабыли, что произошло оно от «милое сердце».

И милое сердце я встретила не раз. Откликнулось оно в доброй женщине, что продала мне из дальних своих тайников шерстяной малиново-белый шарф под цвет моих варежек. Обернула она меня в шарф, срезала бирку и значительно сбавила цену со словами: «Наших обижать нельзя. У наших денег столько, сколько у англичан или шведов нету. Носи на здоровье».

Откликнулось милое сердце и во встрече с отцом иереем Артемием. Приятно в чужом городе встретить земляков, даже если с ними не знакома. Я совсем не ожидала, что батюшка так молод. Очень скромный, с рыжеватой бородой. Отец Артемий открыл тайну, где в Санкт-Петербурге можно погулять в садах, парках, которые настраивают на размышления, предложил свою помощь на

случай, если она понадобится. Передал гостинцы от матушки: варенье и сбор трав с чаем. Совсем другим оказался этот батюшка – не тем, что видишь в телевизоре. Запомнились отрывки из его рассказа о том, что нет ничего зазорного в том, что смотрят на них с матушкой горожане, когда они в парке пьют чай из термоса и едят бутерброды из пакета. О том, как прекрасен букет полевых цветов. Как хороша природа вокруг, а мы не видим и не ценим её...

Отравленное пирожное

Что нужно человеку для счастья? Как выяснилось: кров и пища. Замёрзшая и голодная, добралась я до кондитерской «Север». Выбрала самое вкусное лакомство – десерт «Павлова с малиной», чай с лимоном и уселась около окошка: кушать и наблюдать за жизнью улицы. Но всё удовольствие мне испортил невольно подслушанный разговор за соседним столиком.

Две женщины, интеллигентные воспитательницы детского сада. Одна – брюнетка с пушистой и неподдающейся укладке копной волос – жаловалась второй – совершенно непримечательной внешности – на своего женатого любовника: «Обычно, он отправляет жену и дочь на море летом, а сам устраивает «романтик» с ней. Звонит ей и мур-мур-мур, а в этот июль не позвонил. Позже набрал, извинения просил. И всё мур-мур-мур»

И как-то стало мне грязно от этой истории, обидно за ту, незнакомую мне обманутую жену. Они щebetали, с аристократическим видом кушали свои

пирожные, наконец ушли. А у меня на душе остался неприятный осадок и никакая «Павлова с малиной» мне не помогли...

Музей-квартира Набокова

На кованном коньке над крылечком входа одного из особняков в стиле модерн на Большой Морской улице заметил мой взор синичку с жёлтым брюшком. «Ах, милая, моя, ты, наверное, замёрзла, но нет с собой ни крошки». Синичка прыгала по ажурным изгибам конька и ласково не то пела, не то приглашала вслед за собой. Я подошла ближе к птичке, но та юрко упорхнула на выступающий эркер второго этажа – только её и видели. «Волшебный фонарь», – вспомнилось мне второе название этой чудесной архитектурной шалости, и прошла бы я дальше, но уткнулась в табличку, скромно гласившую, что в этом доме родился писатель Владимир Набоков. Как не зайти в гости?

Неприметная парадная, где идёт ремонт и скоплены груды не то излишек строительных материалов, не то просто хлам и мусор. Далее деревянная скрипучая дверь – вход в музей-квартиру писателя. Я так привыкла к тому, что за всё в Петербурге приходится платить, удивилась, что посещение – бесплатно. Худощавый юноша спросил: кто я и из какого города приехала. Я назвалась. Он буднично сухо записал данные в журнал и просто сказал: «Проходите. Осматривайте. Только зеленая гостиная у нас пока на реставрации». В интерьере господствовало дерево. Массивное. Основательное. Повсюду бабоч-

ки, фотографии, документы. Книги Набокова разных лет и самых невероятных изданий.

Улетела отсюда душа писателя, словно так любимое им насекомое. Быть может, я вернусь сюда тогда, когда позади будет ремонт, когда позволят увидеть дом во всей его красе, когда невзрачная куколка превратится в прекрасную бабочку?

Царское село

Дорогой смотрю в окошко автобуса и думаю о царской династии Романовых. Пролетают верстовые столбы. Экскурсовод – коротко стриженная шатенка с зонтиком-тростью, оглушительно читает нам то стихи Пушкина, то Ахматовой, то просто жонглирует фактами из жизни города Пушкина, а ранее – Царского села.

Какое оно, Царское село? Я мысленно уже бродила по анфиладам покоев, грезила очутиться в Лицее, хоть на секунду взглянуть одним глазком – как жили в ту далёкую эпоху, когда дамы носили пышные платья, когда на балах были расписаны все танцы в отведенной книжечке, когда иначе относились к словам честь и долг.

«Это какое-то наваждение», – тихо, пока не видит начальство, закатывает глаза старушка, которая продолжает экскурсию уже во дворце, – «Хотели ограничить поток китайцев, да что вы! Китайская сторона подняла такой скандал. Но из-за предельной нагрузки по количеству посетителей, в парке выстраиваются многочасовые очереди. Особенно их привлекает янтарная комната и китайские вазы, пожалуй, всё. Дальше глаза их меркнут и расшевелить

китайцев просто невозможно».

Нам повезло. Группа экскурсантов стоит в очереди только около сорока минут. Летом, шепчут местные охранители порядка, это долгостояние длится до пяти-семи часов. Мы медленно движемся ко входу. Пускают не более ста человек в час.

В смешных коричневых тканевых бахилах топаям к лестнице.

Да! Такой размах не часто можно встретить. Роскошные, богато украшенные покои, залы. Кругом золото, зеркала, свечи. Кажется, вихрь бала прямо сейчас может закружить в своих объятиях. Голландские печи с керамическими бело-сине-голубыми изразцами. Роскошь и простота.

Кажется, что вот-вот двери столовой распахнутся, резкий ветер опередит императрицу, а следом войдёт с охоты сама Елизавета Петровна и отправится в кабинет решать дела государственные. Неуловимым северным очарованием тянет от этих мест.

В Янтарной комнате все щелкают камерами смартфонов, фотоаппаратов. Но никто не может отложить их в сторону и всё запечатлеть в памяти; просто ощутить сердцем всю многогранность, красоту и изящество шедевра. Врывается тройца испанцев. Они хохочут без умолку, строят гримасы, делают импровизированные реверансы, фотографируются. На них шикают хранители, но им всё равно. «Знаете, все думают, что российские туристы – не сдержаны, не воспитаны, наводят суету и шум. Но я скажу Вам честно, это не так. Наши туристы – самые увлечённые и тихие», – экскурсовод теревит на груди янтарный кулон, поглядыва-

вая то на испанцев, которые уже с шумом обогнали нас, то на китайцев, бесцеремонно толкающих и наступающих нам на ноги во главе с гидом. Китайцы, к слову сказать, перепутали меня с сотрудником. «Ни хао?», – надвигалась на меня маленькая настойчивая стена китайских пенсионеров ниже меня ростом, но гораздо настырнее, и не отставала, пока я на английском не сказала, что я – не работник музея и не говорю по-китайски...

Как легко стало на просторе. Мы наслаждаемся английским дворцовым парком. Сквозь дождевую дымку виднеется пруд, беседки, домики, мостики. Статуи ушли на зимовку. «Это как?», – озадаченно спросил малыш маму из нашей группы. «Видишь, деревянный домик посерединке клумбы? Статуи на время холодов находятся внутри». Я улыбаюсь и бреду дальше. Здесь всё так близко. Вот Царскосельский лицей, где учился Пушкин, вот Екатерининский дворец, парк. На пруду от порывов ветра плавают, словно ожившие, деревянные белые лебеди. Где же писать стихи, как ни в Царском селе? Не верится, что здесь учились, творили, влюблялись.

Пока нам отвели полчаса свободного времени, я бегу в Лицей, но экскурсия уже ушла. Как жаль! Остаётся одно – осмотреть дворцовую церковь, которая внутри вовсе и не похожа на церковь. Помимо уже знакомых коричневых бахил, нам выдали большие войлочные тапки – паркет в церкви частично сохранился оригинальный, самой Екатерины.

Почти опаздывая на автобус, я, словно сорока, никак не могу выбрать серёжки с янтарём. Так хо-

чется увезти частичку этого удивительного места. Шесть минут на выбор серёг девушке – возможно? В кресле автобуса расстроилась, что у серёжек хлипкие замочки. Вот, что значит, за двумя зайцами...

А потом подумала, что обязательно сюда вернусь, вдоволь насмотрюсь, погуляю по парку и быть может, Пушкин поможет с чистым сердцем, пронзительным желанием уловить новое знание, невесомое, нерушимое, вечное – ведь только так необходимо переступить порог соборов, музеев, дворцов. А иначе Петербург никогда не откроет дверцы души своей, не покажет сокровенного, не поведаст тайн прошлого.

Инеcса Садовая

* * *

Ах, как сегодня хочется мечтать,
Поймав лучи пылающего солнца!
Вдруг мотыльком неутомным стать,
Чтоб выпорхнуть в раскрытое оконце.
И улететь от брeнной суеты,
Чтоб утреннею негой насладиться,
Чтобы найти то место, где мечты
В явь долгожданно смогут воплотиться!

* * *

Мне снятся в сизой дымке города.
И перестук колес на перегонах,
И за окном плывущая звезда,
И тишина полночного вагона.
Меня увозит поезд навсегда
Туда, где позабудутся тревоги,
Туда, где я не буду никогда
С надеждою прощаться на пороге.
Мне чудится во сне, как наяву,
Что ты стоишь озябший на перроне
И ждёшь, когда тебя я позову,
Чтобы умчаться вместе в том вагоне.
Но воздух разрезает свист гудка
И поезд набирает обороты.
Звезда плывет и манит в облака...
А образ твой исчез за поворотом.

* * *

Разве может хоть что-то сравниться
С счастьем подлинным материнства!
Разве может хоть что-то быть слаще,
Чем объятья детей горячие.
Разве может быть что-то искренней,
Чем глаза их - блестящие искорки!
Разве могут хоть с чем-то сравниться
Их счастливые милые лица!

* * *

Сквозь туман пробираясь к рассвету,
Наше счастье с искоркой света
К нам спешило на праздник попасть,
Чтобы мы насладились им всласть.
Но в пути, вдруг, споткнувшись о камень,
Свой волшебный разбило фонарик.
Там в тумане ночном заблудилось
И на праздник на наш не явилось.
Мы с тобою прождали весь день,
Но его не мелькнула и тень.
А под вечер, отчаявшись ждать,
Сами бросились счастье искать.
По чужим мы бродили дворам,
По проулкам и по городам.
Лет прошло уже много с тех пор -
Мы его не нашли до сих пор...

* * *

Наверно от душевной пустоты
Мы ищем вне себя все те черты,
Которыми хотели б обладать

И тужимся величественней стать...

* * *

О, блаженное одиночество!
Снова сердцу влюбленному хочется
В тишине тихо петь и раздумывать
И стихи о тебе выдумывать.
В одиночестве лучше слышится
Как листва на ветру колышется,
Как стрекошет кузнечик в траве
И как птицы поют в синеве.
Долгожданное счастье сладкое!
Не спеша, всей душой украдкой
Наслаждаться цветами яркими
И картиною в раме простой...
О, мятежная сила творчества!
Пусть сбываются все пророчества.
Так светло мне в своем одиночестве
Перед встречей, любимый, с тобой...

* * *

За окнами промозглый день,
А на душе - весна!
В туманном мареве сирень,
Уныла и темна.
Вновь чай с мелиссой заварю
И испеку пирог.
Тебе признаюсь, что люблю,
Лишь ступишь на порог!
Закутавшись привычно в плед,
Присядем у окна.
Желанней счастья в мире нет,
Чем эта тишина!

Мы чувствуем ее вдвоем,
Хмелея без вина.
В осеннем мраке стынет дом...
А на душе – весна!

* * *

Наша встреча была не случайна,
А дарована высшей судьбой.
Мы навеки повенчаны тайной
Неразгаданной, доброй, живой.

Не понять, почему в переулке
Разминуться с тобой не смогли,
И забились сердца наши гулко –
Мы друг друга с тобой обрели!

* * *

И вновь промчатся в небе птицы,
За горизонтом утонув.
И белый парус разрезвится,
Встречаю крепкую волну.
Волна ударится о берег
И вспенится у самых ног.
И я в бессмертие поверю,
И в то, что мир придумал бог!

Юлия Науменко

Весна в конверте

1

Как всё же различны в красках и звуках осенние месяцы! Сколько неповторимых ощущений рождают они, освещенные светлой грустью и сокровенными воспоминаниями...

Сентябрь тёплый, как август, только школьные заботы да белые гольфы на загорелых ногах и отличают его. Октябрь – это золотая осень, ясное синее небо. Воздух настолько прозрачен, что краски природы в октябре кажутся ярче, чем цветущим летом с его дождями, туманами и дымом от горящего сухостоя. Ноябрь – это что-то непонятное, серое, промозглое. Он тянется бесконечно. И близок по ощущениям с февралем. Такой же серый, но ещё и холодный, ветреный. Небо в феврале низкое, белое. Горизонта не разберёшь, и от этого кажется, что мир стал маленьким, тесным... А ведь я знаю людей, которые родились в эти месяцы. Мне всегда было жалко их, а они, конечно же, не понимали моих чувств. Родился в этом месяце – значит он хороший.

В тот год февраль был ненастным: холод сменялся теплом, подтаявшие за день остатки снега ночью леденели. Солнца не было, но и морозы сильные давно не пугали народ. Классические февральские метели с их пением, вьюгой, танцующей поземкой – и те не баловали жителей города.

– Ещё чуть – и весна, вот уже и грачи прилетели,

– обещали мамы своим малышам.

– Да какая весна, – ворчали бабульки, – ещё в марте мёрзнуть предстоит. Это в наши дни они улетали и прилетали, а теперь приспособились тут зимовать. Говорят же, что глобальное потепление.

Как-то утром мы с мужем ехали на машине по загородной дороге.

– Давай посмотрим, что в лесу, тает снег или ещё лежит.

– Давай, – неохотно согласился он.

В лесу снег под деревьями ещё лежал. Но был мокрый, испещренный капелью, ягодами боярышника. Вокруг дубовых листьев, упавших недавно поверх него, образовались небольшие лунки. Это значит, солнце уже грело хорошо, темный лист притягивал свет, и вокруг подтаивало.

– Пойдём на полянку, – предложил муж.

Но туда было не пробраться, снег был ещё довольно глубоким.

Вблизи дороги темнел низкорослый редкий кустарник. Даже летом здесь не особенно густо. Тонкий песчаный слой покрывает плиты известняка и ракушечника. Травка растёт низенькая, в основном различные виды очитка стелются по камням. Лишь яркие свечи неопалимой купены украшают полянки. Они высокие, с ярко-розовыми соцветиями. Но запах такой тяжёлый, что не позволяет долго любоваться этими диковинными цветами. Если приглядеться, то можно увидеть зыбкий ореол эфира возле каждого цветущего куста.

И вот близ кустарников дикого тёрна мы одновременно с мужем увидели подснежники, а точнее – га-

лантусы. Они были небольшие, но уже цвели. Потом ещё и ещё, семейка за семейкой открывались цветущие подснежники нашему взору. «Какие нежные, почти прозрачные. Всегда холодные и хрупкие», – подумалось мне с легкой грустью..

– Как строчка стиха, – усмехнулась я.

– Июль, пора ехать, – напомнил муж.

Я сорвала пять цветочков, в машине поставили их в воду.

– Но они долго не живут, эти лесные ангелы, но как хочется их сохранить, – вздохнула я и вдруг нежданно промелькнула мысль... – Попробую кое-что придумать!

– Зачем?

– Потом поймешь...

Но я уже точно знала, что нужно делать, и кто обрадуется. Я была воодушевлена. И вдруг стала приречать весну: снующих туда-сюда муравьев, сверкающие капли, а вот четыре божьих коровки вылезли из-под коры старого пня и греются.

И время пошло веселее.

2

Бывая в новых местах, на отдыхе или по работе я всегда привожу с собой небольшой гербарий: обычно это цветы, плоды ранее невиданных мною растений, редко – листья, кора деревьев. Например, под эвкалиптами лежит больше коры, чем листьев. Это растение вечнозелёное, поэтому листья оно сбрасывает понемногу в течение всего года. Одно время я делала из привезённого материала закладки для книг – памятные цветочные

закладки.

Началось это увлечение с Архыза. Очень уж манили меня розовые с подбелами метёлки буквицы – невысокой горной лесной травки. Их я хотела засушить букетиком, но ножки под цветочками соцветия были тонюсенькие и ломались. Тогда я вспомнила про закладки с веточками растений, виденные мной прежде. Попробовала сделать. Буквица смотрелась очень даже мило.

В наших Ставропольских степях есть похожее растение – подбел. Так он назван из-за светлых ланцетовидных листьев. Эта белёсость из-за обильного воскового налёта. А сверху листочки зелёные, блестящие. Другое название подбела – андромеда. Цветёт он, как и буквица, розоватыми цветами. Эти шарики величиной с горошину с крохотными треугольными лепестками снизу словно подвешены по несколько штук на длинных цветоножках. Поэтому, видимо и название такое – андромеда – как маленькие искорки в созвездии.

Степи и луга – раздолье для таких ботаников-самоучек, как я. Глаза рады каждой травинке, не то, что цветику. Очень красивы душица и таволга. Но и более скромные растения смотрятся замечательно. Подойдет и раскидистая серебристая веточка луговика, и пушистый усик ковыля, и часть светло-лимонной кисти бузины с её мелкими простыми цветочками, и одиночный желто-зелёный цветок липы. Можно и ландыш засушить, но его как-то жалко. Он уже никогда не будет таким жемчужно-белым, пожелтеет. Да и, что за ландыш без его аромата?

В родных лесах и лугах множество мелко цветущих

щих трав. Каждый отдельный малюсенький цветочек из всего соцветия очень красив, если его рассмотреть. Я брала приглянувшуюся мне веточку, сушила её и приклеивала к картонной полоске, потом очень аккуратно прикладываю полоску скотча – и готово. Уже потом можно пробить дырочку и привесить красивую ленточку или кисточку. Сейчас можно купить дырокол, который делает отверстие в форме бабочки, звёздочки, цветочка. Более сложный способ – вложить веточку между двумя полосками скотча. Обычно и первый, и второй «блин комом», а потом вдруг раз – и все отлично, без перекосов и складок.

3

Вот такую закладку я и хотела подарить одной своей школьной подруге – ценительнице всего милого и оригинального. Живёт Есения в Санкт-Петербурге. Там намного холоднее, а в это время года, в конце февраля, зима – зимой. Сеня – удивительно чистый человек. Про таких обычно говорят «талантливый во всем талантлив». Есения отлично училась в школе и в институте, с успехом пела на концертах самодеятельности, чудесно рисовала. За что бы ни бралась, всё с лёгкостью получалось, притом подруга моя совершенно проста и искренняя. Она охотно наслаждается природой, радуется всему живому. Одно меня до сих пор удивляет, что натуральная блондинка красится в черный цвет.

Мы пишем иногда друг другу письма. Это так приятно – получить весточку, с приподнятым настроением распечатать конверт и – не спеша про-

честь. В последнем письме Сеня прислала открытку из крафтовой бумаги. На ней пастелью нарисована замечательная сова. Цвета яркие и насыщенные. А на развороте – поздравление. В письме она сообщила, что решила вспомнить школьное увлечение живописью, поступила на курсы и теперь учится рисовать в различных техниках. Я в очередной раз порадовалась за подругу. Много раз потом эту совушку, вставленную в зеркало, рассматривала я, восхищаясь и вспоминая свою Сеню. Долго раздумывала, чем в ответ порадовать ее.

4

Из всех сорванных мной подснежников, высохнув, три выглядели очень красиво. Закладку я делала из скотча, без картона. Цветочки были выложены один под другим и аккуратно расправлены. Аккуратно наложен верхний слой скотча, – и, уф, всё получилось! Без перекосов, морщин и пузырьков воздуха. Я была по-детски счастлива!

Украшив закладку белым бантиком, приклеив по периметру декоративный шнурок и написав, что посылаю ей весну из родных Ставропольских земель, я, наконец, отправила письмо в Санкт-Петербург. По моим расчётам, оно должно было прийти к 8 марта.

Так всё и вышло. На праздник мы созвонились, Ксения была в восторге.

- Такой холод у нас, сугробы, ледяной ветрище, а тут такое чудо! Весенний привет от родной земли. Спасибо тебе за весну!

Иван Мельник

Памяти фронтовиков

Славные гордые деды,
Вы пронесли сквозь войну
Светлую веру в Победу,
Яркую в сердце весну.

Было вам горько и страшно,
Пули неслись у виска.
Бились с врагом в рукопашной,
Не на с е й ч а с, – на века!

После смертельных сражений
Вы возвратились домой.
Нет среди всех поколений
Вашему равных – судьбой.

Хлеба делили краюхи,
Встали в шеренгу одну.
Подняли вы из разрухи
Снова родную страну.

Зажили честно, счастливо,
Правду ценя и слова.
Вы не остались в архивах,
Память навеки жива

* * *

Короче тени на лугах.
Оделось небо синевою.
И серебрится старый шлях
Хрустальной талою водою.

Ногами хлюпая в грязи,
Поднял с восторгом в небо очи.
Его оттенок поразил,
Как узелки вишневых почек.

Веду неспешный разговор,
С теплом, раскрывшимся, весенним.
Не оглядеть вокруг простор
Охваченный шальным весельем!

Теперь всё будет хорошо,
Поманят роем красок жарких
Луга и яблонь белый шелк,
И радуги степная арка.

Лиц-масок с этих ярых дней
На шумных улицах не станет.
И верю я в любовь сильней,
И луч надежды не обманет!

Радость

Радость лечит любые несчастья,
Если сможешь ты стать ее частью.
Босиком убегая по лужам,
Ты согласишься, что миру ты нужен.

Прочь сомненья отбрось в одночасье
И останется место для счастья,
Задыхав всей душой ярким светом,
Ты увидишь, для зла места нету.

Громко ты запоёшь вместе с миром,
Как свободная чистая лира.
Обретая гармонию жизни,
Ты на радуге дивной повисни.

Ты прекрасен, здоров и свободен,
И со всех ты сторон превосходен,
Нет предела твоим совершенствам,
Жизнь в гармонии стала блаженством.

Блаженство бытия

Ищи блаженство бытия,
Чтоб стала светом жизнь твоя.
Невзгоды мимо пропускай,
Без них везде наступит рай.

Источник радости в душе
Сияньем в ярком витраже
Растопит тьму, что есть внутри.
Блаженство и покой узри!

Нам состраданье не тоска,
Добро творит легко рука,
И радость видит в этом дух,
И каждый встречный – лучший друг.

В гармонии сфер бытия
Любовь раскроется моя
К любой частице всех миров,
Я в этом счастье жить готов.

Маски

Будней серых краски,
Люди носят маски.
Лживые улыбки
Приторны и липки.

Боль рождает стрессы,
В душу рвутся бесы.
Это наши чувства
Без оков искусства.

Люди-манекены,
В тягость перемены.
Даже то, что свято,
Канет в пыль когда-то.

Крутит боль прохожих,
На тебя похожих,
Лживые улыбки
Призрачны и зыбки.

Месяц март

Здравствуй, месяц март.
Ты куда идешь?
Без зонта и карт
Ты шагаешь в дождь.

Жизнь принес, тепло,
Лужи и капель.
С песней птиц светло,
Юный менестрель.

Спой нам песню, март,
О большой любви.
Здравствуй, месяц-бард.
На проспект зови.

Людам не до сна,
Кончился мороз.
Вновь пришла весна,
Солнце родилось.

Полина Бочкова

Окунуться в отражение города

Время выходит из волн, меняя
стрелку на башне – её одну.

Иосиф Бродский

После поездки в Венецию остаются календари, которые можно повесить на стену. Проходя мимо них, ты всегда останавливаешься и всматриваешься в перспективу, которая даже на небольшой фотографии сужает твой зрачок. Ты идешь дальше, уподобляя себя гондоле, а коридор и комнаты – венецианским каналам.

Теперь любая поверхность, в которой объект может найти своё отражение, пусть и не всегда чёткое, и тем самым, не осознавая этого, расширить пространство, напоминает Венецию. Потому что отражение сразу вызывает в мыслях образ зеркала, а зеркало, и вообще стекло, – образ воды. И везде, где много стекла, или где вода заменяет другие субстанции, пространство расширяется. Поэтому высказывания о тесноте Венеции просто бессмысленны. Ещё Ахматова писала, что «не тесно в этой тесноте».

Пожалуй, в Венеции свобода ощущается больше, чем в каком-либо другом городе. Конечно, она может восприниматься по-разному, и поэтому не каждый найдёт её в Лагуне. Но если настроиться на правильный лад, то Венеция подарит тебе чувство свободы, которое ты уже никогда не забудешь. Бо-

лее того, ты захочешь вернуться в то же состояние. Когда я вспоминаю Италию, я думаю о Венеции, потому что, в первую очередь, в памяти встают пейзажи тех мест, где ты был свободен душой и разумом. И я вижу небольшую площадь на острове Мурано, где растут деревья с белыми цветами. В некоторые моменты твои мысли, переживания и порывы останавливаются в одной точке на планете. Ты понимаешь, что минута, когда ты там был, равносильна вечности, потому что ты возвращаешься к ней снова и снова.

Свобода, о которой я говорю, – это отрешённость от всех проблем, может даже, отрешённость от самой жизни, если воспринимать её как постоянное движение без попытки просто созерцать. Цель путешествий – дать человеку почувствовать такую свободу. Ведь когда ты в самолёте, и тебе уже не вернуться, мысли о том, что осталось за стенами аэропорта, теряют значение. Но всё-таки прибытие в Венецию отличается от прибытия в другие города. Наверное, потому что ты сразу оказываешься во власти воды. Чтобы добраться до города, ты садишься на катер или на вапоретто. Твои ноги тебя никуда не доставят, и значит, ты предоставляешь свою судьбу кому-то или чему-то другому. Приехать в Венецию и противостоять воде невозможно.

Где бы ты ни решил поселиться: в самом городе, или на Мурано, или на каком-то другом острове, ты сразу чувствуешь себя оторванным от всего мира, но оторванность эта не кажется чем-то опасным или заслуживающим порицания. В Венеции не стоит вспоминать какие-то старые переживания. В Венеции

надо думать о Венеции. Иначе ничего не выйдет, и ты не поймёшь этот город, а он не поймёт тебя.

Ты становишься частью пейзажа и постепенно догадываешься, чем он тебя удивил. Причина проста. Почему картины Каналетто кажутся такими реалистичными, такими свежими, когда полотна других художников того же периода воспринимаются как исторические реликвии? Потому что в Венеции со времён Каналетто ничего не изменилось. Это те же пейзажи, те же дома и дворцы. Посмотришь на «Регату на Большом канале», и кажется, это фотография, сделанная тобой. Даже не фотография, а картина из памяти. Конечно, есть много городов, где можно, так сказать, погрузиться в историю. Но стоит свернуть куда-нибудь, и ты уже лицом к лицу с тем миром, от которого ушёл. А в Венеции такого нет. Ты заблудишься в лабиринте узких улиц, но всё ещё будешь внутри пейзажа Каналетто.

Когда мы прибыли в Венецию, а точнее, на остров Мурано, нас встретил дружелюбный итальянец Роберто. Если в другой стране тебя ждёт кто-то местный, ты представляешь, будто уже бывал здесь раньше. Роберто сдавал апартаменты. Так мы попали в настоящий венецианский дом с тяжёлыми зелёными ставнями, старинной мебелью, вазами и люстрами из муранского стекла, итальянскими пейзажами на стенах и множеством всяких интересных вещиц, с любовью расставленных на полках и не спрятанных от постояльцев. Гостиничные номера тоже скрываются за старыми фасадами, но если отвернёшься от окна с видом на какой-нибудь канал, то перед тобой будет обычная комната, как и в отелях многих

других городов. А здесь венецианская жизнь, подхватывающая людей ещё у выхода из аэропорта, делает тебя своей частью. Мы жили на тихой улице, где почти не ходят туристы. Утром я просыпалась от мерных ударов колокола из базилики. Этот звук, и правда, напоминает звон «сервизов чайных», как в стихотворении у Бродского.

Вечерние прогулки по Мурано ни с чем не сравнимы. Отражаясь в воде, закат становится вдвойне розовым. Маленькая луна хочет опуститься поближе к крышам и поравняться с часами на башне или с фонарями. А фонарей, кажется, не так уж и много. Когда стемнеет, идёшь вперёд без каких-либо ориентиров. Можно наткнуться на скульптуру у собора, которая во мраке приобретёт самые загадочные очертания. Тихо. Лодки постукивают по сваям, переговариваясь с водой.

Теперь витрины с муранским стеклом будто бы принадлежат только спящему, безлюдному острову и тебе. Смотри на них сколько угодно. А ещё хочется заглянуть в окна с открытыми ставнями. Оттуда доносятся итальянская речь, музыка, звон посуды. Если ты видишь семейный ужин или женщину, готовящую пасту, то хочется оказаться внутри и вообще стать итальянцем. Хорошо, что можно было купить пиццу и ярко-оранжевую дыню, вернуться в дом Роберто и представить, что мы жили здесь всегда.

Кроме Мурано и самой Венеции, в Лагуне есть и другие интересные места. На острове Бурано разноцветные дома, за стенами которых, наверное, такая же яркая жизнь. Рядом не бывает двух одинаковых цветов. Ты смотришь вдаль, и, пока хватает твоего

зрения, красные, зелёные, синие, жёлтые фасады чередуются и уходят в перспективу. Но взгляда никогда не будет достаточно. На Бурано так же, как на других островах Лагуны и в самой Венеции, глаза ни во что не упираются. Где бы ты ни остановился – на мосту, на углу, на площади, – ты продолжаешь смотреть вдаль, потому что все улицы перетекают друг в друга и не заходят в тупик, а сквозь отражение в воде не добраться до дна.

Ещё можно отправиться на Торчелло, где мало людей и много деревьев. Там есть мостик без перил, трон Атиллы, антикварный магазин, во дворике которого стоят старые скульптуры нимф и пастухов, и базилика Санта-Мария-Ассунта с византийскими мозаиками XII века, которые мало где сохранились. В противоположность рисунку из мелких кусочков, изображающему зарождение жизни как существования с новым смыслом и демонстрирующему недостижимое мастерство, с кампанилы взору открывается болотистая местность. Случайный созерцатель не подозревает, что в момент знакомства с этим видом он минует время и оказывается рядом с первыми людьми, обосновавшимися в Лагуне. Они с грустью смотрели на болота, из-за которых им пришлось покинуть зелёный остров... К радости созерцателя, печальный пейзаж разбавляет Бурано, издалека кажушийся сувениром на полке.

На Торчелло есть ресторан *Locando Cipriani*, где обедали многие известные личности. А Эрнест Хемингуэй осенью сорок восьмого года приезжал туда писать книгу. Наверное, после охоты на уток и ужина из сардин и белого вина он уединялся в комнате

на втором этаже, которую снимал у Джузеппе, хозяина ресторана, и создавал «За рекой, в тени деревьев» – роман о полковнике, проводящем последние дни своей жизни в Венеции.

Такая история очень подходит этому городу. И старый полковник, и его молодая возлюбленная похожи на него, только каждый по-своему. В одном из фильмов Висконти герой тоже умирает в Венеции. Холера? Или он просто не может отвести глаз от прекрасного юноши? Красота не дарит бессмертия даже самой себе.

Большинство городов не имеют определённой концепции своего существования. Они живут одним днём и постоянно меняются до неузнаваемости и внешне, и внутренне. Город – это набор разрозненных движений, ограниченных воображаемой чертой. А у Венеции есть судьба, которой она подчиняется, каждый год уходя под воду на несколько миллиметров. Пожалуй, это единственное место, где идеи жизни и смерти так парадоксально взаимосвязаны. Вода обычно олицетворяет жизнь, а здесь она убивает. Без воды не было бы той Венеции, к которой стремится отчаявшаяся душа, желая обрести свободу. Но вода уничтожает красоту, созданную словно не руками человека, а воображением Творца.

Венецианцы, как и их город, в плену у воды. Однако они пытаются одержать над ней верх. Единственная победа – стекло. Оно похоже на застывшую воду. Оно тоже обладает лёгкостью и прозрачностью, но не может утек, пролиться или затопить дом. Когда гуляешь по Мурано, то вазы, блюда, бокалы, клоу-

ны, птицы, рыбы из стекла отвлекают тебя от созерцания каналов. И стеклодув не смотрит на воду. Он занят раскалённой массой, из которой должен получиться твёрдый объект, не лишённый смысла. Стекло – это попытка овеществления и укрощения стихии. Это попытка обрести бессмертие.

Голуби на площади Сан-Марко тоже побеждают воду. Они взмывают ввысь подальше от неё. Для них существует только само небо, а не его отражение. Ни одна камера не может запечатлеть полёт стаи. Так он превращается в обычное движение и лишается свободы и веры в вечную жизнь. Ни одна камера не может запечатлеть Венецию. А в конце августа, когда на Лидо проводится кинофестиваль, их особенно много. Снимая знаменитостей, камеры на самом деле снимают город, которому нет дела до скандалов и новых «джокеров». Сотни объективов замирают в непреодолимом желании унести с собой Венецию. Но фотография не может остановить её погружение под воду...

Надпись на надгробном камне Иосифа Бродского, похороненного на Сан-Микеле, гласит: *letum non omnia finit*. Со смертью всё не кончилось для поэта, чьи стихи читают новые поколения. Со смертью всё не кончится для Венеции. Как потемневшие краски на «Тайной вечере» Тинторетто не способны погасить волшебное свечение картины, так и время не сможет властвовать над красотой города. Когда-нибудь Венеция полностью уйдёт под воду. Но она не погибнет. Потому что небо отразится в воде. А город отразится в небе.

Поездка в Макондо

Слушай, почему бы тебе не поехать в Макондо? Ты всё говоришь, что никуда не хочется, что во Франции нет ничего, кроме Эйфелевой башни и Нотр-Дама на реставрации (хотя я бы могла и еще что-нибудь посоветовать), что в Италии жарко, а в Англию надо брать дождевик (да он везде пригодится), что в Испании плохо обходятся с быками (если они не на картинах Пикассо, конечно).

Так вот, почему бы тебе не поехать в Макондо? Представляешь, люди будут спрашивать, где ты собираешься провести каникулы, а ты им с упоением начнешь рассказывать всю историю рода Буэндиа. Ой, о Буэндиа я тебе еще не поведала! Но об этом позже. К такой поездке нужно основательно подготовиться...

Учти, что там тоже может быть жарко или холодно. Не знаешь, в какое время туда попадешь – в засуху или в дождь, который идет бесконечно. Но разве не в этом прелесть путешествия? Ты ничего не можешь предугадать. Только так и случается самое лучшее в нашей жизни. Надеюсь, что тебя все-таки не сильно пугает погода.

А чего ты еще боишься? Бессонницы? Да, такое может случиться. Но почти все путешественники от этого страдают. Нужно сесть на поезд, потом на корабль, потом опять на поезд... Нет, лучше, конечно, самолетом. Хотя это тоже займет много времени, и в воздухе ты не будешь лучше спать. Все-таки придется пересечь океан, чтобы добраться до Латинской Америки.

Да почему до Латинской Америки? Кто сказал, что Макондо находится там? Его вообще долго искать. Наверное, ты перепробуешь много способов.

Можно спросить тех, кого встретишь по дороге. Думаю, ты увидишь старика в шляпе с очень широкими полями, или женщину с чёрной повязкой на руке, или юношу с пепельным крестом на лбу. Помни, никто из них не скажет тебе, где Макондо. Скорее всего, они не знают о его существовании. Скорее всего, их вообще нет.

Тогда ты почувствуешь одиночество. Не пугайся, оно будет преследовать тебя всё путешествие. Если с тобой нет попутчиков, то это вполне сносно. А попутчики в таком путешествии и не нужны. С ними могут произойти самые невероятные вещи. Вдруг окажется, что твой друг какой-нибудь гринго. От них не жди добра («их было три тысячи» – ты будешь слышать это даже во сне).

Ты не заметишь, что уже выпиваешь с полковником, который не проронит ни слова (он-то не скажет: «их было три тысячи»). А потом и он исчезнет. Ты все равно вернешься в состояние одиночества. Поэтому лучше сразу смириться с ним. Ты привыкнешь и, пройдя сотни дорог, поймешь – ты не одинокий, ты неприкаянный. Но все творцы были такими. Считай это достоинством. Главное – быть осторожнее с внезапно вспыхивающей любовью. Впрочем, если ты не родился в Макондо, то может тебя это и не касается...

Нужно победить одиночество. Любовь побеждает одиночество. Но кто это выдумал? Одиночество можно победить, забыв его название (и название той книги, которую тебе кто-то подкинул то ли в начале, то ли в конце путешествия). Иными словами – считай, что это в порядке вещей. Только не теряй ощущение чуда. Лучше видеть чудо там, где другие

его не видят, где его, может, и нет, чем вообще ни на что не обращать внимания.

Ты не раз встретишь яркие леденцы или золотых рыбок. Ты поймёшь, что и то, и другое теперь продают по всему миру. Люди уже не помнят, откуда это пошло. Но сначала тебе будет казаться, что ты рядом, что ты почти у цели. Купи себе золотую рыбку на память о чуде.

В какой-то момент ты будешь многое забывать. Да, из-за этого можно волноваться. Но зато после забвения ничего нет. А прошлое всё равно повторится. Чего ты ещё боишься? Ты не сможешь разгадать то, что написано в древних пергаментях. Тебя не привяжут к дереву. И в небо ты не улетишь. Ты, так сказать, из другого теста. Точнее, из другого рода. Хотя после долгих странствий окажется, что из этого...

Уже можешь ехать. Я обо всём предупредила. Ах да, я так и не рассказала историю Буэндиа. Но ты узнаешь о них по дороге. Скажу напоследок, раскрою секрет: вероятно, ты так и не найдешь Макондо. Но такое путешествие – это как раз то, что нам нужно в тяжёлые времена.

Когда-нибудь, в перерыве между своими поисками, ты согласишься посмотреть в окно и увидишь дуб, реку, дома, выкрашенные в белый цвет. Прислушаешься и услышишь какое-нибудь странное пение, или шепот, или музыку клавесина и аккордеона. Ты так и не заметишь, что сидишь там же, где и раньше, хоть ты и не пытался вернуться. Уже ничего нельзя изменить, потому что, если я пишу эти строки, а ты смотришь на реку за окном, мы знаем слишком много. Потому что раз исчезнувшим городам не суждено исчезнуть с лица земли дважды.

Артемий Буйлов

* * *

Степь бесконечно горит первоцветами!
Утро пасхальное вечностью кажется.
Пусть мои письма горят безответные,
Жизнь все равно во единое свяжется.

Улица сельская выстрелит звонами,
Вровень сойдёт лепестками бесплотными.
Ветер стремглав пролетит над заборами
Вдаль, что манит так цветными полотнами.

Стежки сплетаются, крутятся петлями,
Впредь обещая не сбросить в обочину.
Горница полнится слухами, сплетнями,
Что мои окна навек заколочены.

Что заколочено, - вырву с рассветами!
Лучик непрошенный в окнах покажется.
Пусть мои письма горят безответные,
Жизнь все равно во единое свяжется!

* * *

Весной холодная вода
На речке разольется вширь.
Не пожалеет и гнезда,
Не пожалеет и души.

А птицы все летят на юг,
Не строят, и не вяжут гнёзд.
На берегу пустом стою,

Вдруг опечаленный всерьез.
Без размышлений и труда,
Не раскусив солёный хлеб,
Умчатся птицы навсегда
В обетованный свой вертеп.

* * *

Не ограждай себя от ветра.
Пусть он, срывая вещей гнев,
Гудит над кевсалинской степью
Неистово и нараспев.

Не отвечай на оскорбленья.
Шатая кровли, пусть гремит,
Прохожих трогая смятеньем,
Круша их домыслов гранит.

Готовит испытанья утро!
Ты в шквал не вовремя вступив,
Терпя и каясь поминутно,
Не забывай, как крут обрыв!

Из края в край носясь по свету,
Пообещай, что вдаль гоним,
Ты перетерпишь натиск ветра,
Чтоб самому не быть таким.

Елена Ядрина

Дважды рождённый

Дважды рождённый: рубашка крестом помечена,
Ежели матери две – и земля, и женщина.
Схватки в роддоме и схватки с врагом неистовым
Ангел крылом занавесил – и миф, и истина.
Небо – простор парашюту. И пулям вражеским.
Талого снега по полю разлита ряженка –
Ниже и – грудью сыновней прилипнуть к матери.
И – день рожденья второй на февральской скатерти.
Каждый защитник, да будь защищён Создателем!

Лиловый гейзер

Мой новый день сулит мне новый воздух –
Чуть сладких ранне-мартовских ветров.
И мир с утра из бурных мыслей создан –
Не так как раньше скуден и суров.

Сегодня жизнь моя – лиловый гейзер –
По цвету чувств сердечных и пальто,
В котором я бегу, не став тверезей,
Вдохнув прохладу возбуждённым ртом.

Спешу к тебе, ломая стены будней
Шифонным шлейфом шарфа-шалуна.
И целый город – мой! Хоть многолюден.
И вся весна – моя! Я – влюблена!

И небо – для меня! Без дна, без края!
И крылья-пóлы у пальто – легки!
Лечу в любовь, трамвай обгоняя –
Парят над тротуаром сапоги.

Провал

У памяти отзвук долог:
Летит невесомо к дому,
Где счастье в глазах – бездонно,
Где крошен в асфальт мелок.
Где с братом купырь жевали.
Где мама ещё живая.
Где я доросла с Живаго
До дрожи «мело, мело...»

Где бредила конным спортом,
Свой страх выгоняя с потом –
Одна средь мальчишек, с понтом
Рождённая новой Д'Арк.
Где крепкий курчавый конюх
Оставил мой пыл в загоне
И так ничего не понял.
Но боль это тоже – дар.

Где бабушка всё учила
Добру не искать причины,
А злу улыбаться чинно
И делать опять добро.
Где я набрала пятёрок
И ринулась с ними в город,
Телегу сменив на скорый,
А радугу – на табло.

У памяти голос тонок.
А жизнь, не меняя тона,
Надрывно и беспардонно
Диктует свои права.

Но всё ещё мысли держат
Мелодии хрупкий стержень:
И ноты, и ритмы – те же.
А слухом слаба – провал.

Сад

День растянулся до принципа длинной строки.
Жду до заката – и в сад, к распутившимся розам.
Самое время: стихам и свежо, и не поздно.
Самое место: слова для блокнота легки.

В лоно тенистой скамьи погружаюсь я вдоль –
Ноги закинув, как раньше тебе на колени.
Рай мой плодовый тобою на ельник променян.
Яблони срез выделяет слезливую соль.

Воспоминанья о счастье – мой скромный трофей,
Вынесенный из любви вместе с запахом мая –
Внемлю ему слепо-глухо-недвижно-немая.
Рифмы тоскуют и жмутся к страницам плотней...

Буря

Я хочу, чтобы шёл снег.
Шёл... Шёл...
По пятам. Заметал след.
Шов в шов.

За минуту одну скрыл
Путь. Пусть
Бьёт размахом седых крыл
В грудь грусть.

Я хочу, чтобы вдруг стал
Бег бел.
Чтобы ветер – один к ста –
Пил, пел.

Чтоб разлуки буран съел
Вмиг мир.
А как стихнет, чтоб: мир – цел,
И – мы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочкова Полина Владимировна. Родилась в Ставрополе. С детства увлекается литературным творчеством и искусством. Прозаик, поэт. Публиковалась в различных изданиях, книгах «Берег надежды», «Сердце художника» Учащаяся ставропольской средней школы № 1. Живет в Ставрополе.

Жидкова Лилия Сергеевна. Родилась в станице Григорополисской, на Ставрополье. Окончила Ставропольский государственный университет. Первые стихи опубликовала в школьном альманахе. Работает юристом. Произведения публиковались в альманахе «Литературное Ставрополье», краевых газетах, в книгах «Время открытий», «Город золотых сердец», «Берег Надежды», «Сердце художника». Удостоена стипендии для творческой молодежи губернатора Ставропольского края. Живет в Ставрополе.

Иерей Александр Буйлов. Родился в Новокузнецке, где окончил Православное духовное училище. Выпускник Ставропольской духовной семинарии. Духовную деятельность осуществлял в станице Наурской Чеченской республики, Новоалександровском и Ипатовском районах нашего края. Публиковался в сборнике «Сердце художника». Переведен на службу в город Нарьян-Мар.

Мельник Иван Русланович. Родился в Нальчике. После окончания школы поступил в ВГТУ. Стихи публиковались в сборниках духовной поэзии «Отзвук небес», в альманахе «ЛитоОсфера» «Янтарная лира». Участвовал во Всероссийском литературном конкурсе «Горю поэзии огнем», был отмечен грамотой. Публиковался в сборнике «Сердце художника». Живет в Ставрополе.

Крис (Харченко) Оксана Владимировна. Родилась в п. Ленино Крымской области УССР. Окончила Северо-Кавказский технический университет. Занимается юридической деятельностью. Публиковалась в периодических изданиях, коллективных сборниках, альманахе «Литературное Ставрополье», в книгах «Время открытий», «Город золотых сердец», «Берег надежды», «Сердце художника», в итоговых сборниках международного фестиваля «Белая акация». Живет в Ставрополе.

Махенько Валерия Алексеевна. Родилась в Невинномысске. Детство провела в полярном городке газовиков, где впервые были напечатаны ее стихи в газете «Рабочий Надыма». Окончила Ставропольское музыкальное училище и СКФУ. Много лет работала в Новомарьевском Доме культуры и в средней общеобразовательной школе. Сотрудница рекламного агентства. Публиковалась в краевой периодике, альманахе «Литературное Ставрополье», книгах «Город золотых сердец», «Берег надежды», «Сердце художника», в итоговых сборниках международного фестиваля «Белая акация». Живет в Михайловске.

Науменко Юлия Сергеевна. Родилась в Ставрополе. Окончила Ставропольский государственный педагогический институт. Работает учительницей в школе. Увлекается живописью, рукоделием. Публикуется впервые. Живет в Ставрополе.

Алена (Елена) Михайловна Рейман. Родилась в п. Медвеженском на Ставрополье. Окончила СКФУ. Публиковалась в периодике, коллективных изданиях, книгах «Берег надежды», «Сердце художника», в итоговых сборниках международного фестиваля «Белая акация». Автор поэтической книги «Живой огонь». Живет в Ставрополе.

Садовая Инесса Сергеевна. Родилась в Элисте. Окончила Северо-Кавказский социальный институт. Работает в сфере связи. Поэзией увлекается со школьных лет. Ранее не публиковалась. Живет в Ставрополе.

Усольцев Сергей Александрович. Родился в Новосибирске. Окончил юридическое отделение Моздокского механико-технологического техникума. Сменил несколько профессий. Работает журналистом. Живет в Ставрополе.

Ядрина Елена Юрьевна. Родилась в станице Зольской на Ставрополье. Окончила Северо-Кавказский институт искусств в Нальчике. Автор поэтической книги «Мой маленький рай». Публиковалась в периодике, альманахе «Литературное Ставрополье», в сборнике «Сердце художника». Лауреат литературных конкурсов. Живет в ст. Зольской.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Ульяновченко

Слово к молодым 3

Сергей Паршин

Приветствие 5

Владимир Бутенко

Стать писателем 7

Сергей Усольцев

Сила памяти 7

Валерия Махенько

Стихотворения 21

Елена Пеляк

Семейное предание 37

Оксана Крис

Стихотворения 41

Алена Рейман

Стихотворения 47

Лилия Жидкова

В мастерской у дедушки 53

Медовый спас 58

Новоселицкое 61

Зов сердца 64

Росток 65

Велосипед	66
Каро	71
Из Петербурга с любовью	76
Первый снег	77
Откровение	79
Всем хочется чуда!	83
Милое сердце	85
Отравленное пирожное	87
Музей-квартира Набокова	88
Царское село	89

Инесса Садовая

Стихотворения	93
---------------------	----

Юлия Науменко

Весна в конверте	97
------------------------	----

Иван Мельник

Стихотворения	103
---------------------	-----

Полина Бочкова

Окунуться в отражение города	107
Поездка в Макондо	114

Артемий Буйлов

Стихотворения	117
---------------------	-----

Елена Ядрина

Стихотворения	119
---------------------	-----

Сведения об авторах	123
----------------------------------	------------

Наталья Литосова «Навстречу ветру»

Александра Тарасова «Мы сохранили жизнь»

Андрей Анщценко «Гишина»

Валерия Орлова «Портрет ветерана ВОВ Чехова Е.А.»

Василий Молоков «Над простором»

Василий Молоков «Утро в родном краю»

Ирина Кендюхова «Бессмертный полк»

Ирина Rogozina «Осенний натюрморт»

Наталья Литосова «Родной очаг»

Ольга Прачёва «Дары августа»

Ольга Севастьянова _ «Фронтовые дороги»

Анастасия Суркова «Сквер на Семашко»